
ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

Гетманские и митрополичьи выборы в Малороссии. - Переговоры с Тетерею в Москве. - Посольство Кикина в Малороссию. - Выговский замышляет измену. - Союз его с ханом крымским. - Сношения хана с Москвою и дела на Дону. - Выговский и Лесницкий возбуждают козаков против царя. - Посольство Матвеева и Рагозина к Выговскому; посланцы Выговского - Меневский и Коробка в Москве. - Запорожцы жалуются царю на Выговского. - Вопрос о воеводах. - Хитрово в Малороссии и Переяславская рада. - Полтавский полковник Пушкарь против Выговского. - Изветы его царю. - Лесницкий в Москве. - Выговский с татарами идет на Пушкаря. - Гибель последнего. - Выговский поддается польскому королю. - Военные действия под Киевом. - Разделение Малороссии и усобица. - Радость в Польше. - Двадцать одна причина, почему царь Алексей не мог быть избран в преемники Яну-Казимиру. - Старания Матвеева склонить Литву на царскую сторону. - Сношения с Польшею. - Виленские съезды. - Враждебные движения польских войск. - Победа Долгорукого над Гонсевским и плен последнего. - Затруднительное положение Москвы. - Ордин-Нащокин и его преобразовательные замыслы. - Борьба в Малороссии. - Поход Трубецкого. Наказ ему насчет соглашений с Выговским. - Конопотская битва. - Ужас в Москве. - Действия Выговского и сношения его с Трубецким. - Дела в Крыму. - Действия донских козаков. - Падение Выговского. - Юрий Хмельницкий-гетман. - Переговоры с Швециею. - Ссора Нащокина с Хованским. - Валиесарское перемирие. - Побег сына Ордина-Нащокина за границу и переписка отца с царем по этому случаю. - Кардисский мир.

В Чигирине около гроба знаменитого гетмана волновалась старшина козацкая важным вопросом: кому быть на месте Хмельницкого? Живому Богдану никто не решился отказать в просьбе насчет избрания в гетманы сына его; теперь никто не думал об исполнении обещания, когда грозный батька козацкий лежал без дыхания. Выговский, не боясь, что его раскуют по рукам лицом к земле, действовал свободно и приобретал сильную сторону. Не стало гетмана в Чигирине, не было митрополита в Киеве; здесь волновались не менее важным вопросом: как выбирать преемника Сильвестру Коссову? Хлопотал воевода Андрей Бутурлин, призывал епископа черниговского Лазаря Барановича, печерского игумена Иннокентия Гизеля, других игуменов и говорил им всякими мерами, с большим подкреплением, чтоб поискали милости великого государя, правду свою к нему показали, были под послушанием и благословением великого государя святейшего Никона патриарха, без царского указа за епископами не посылали и без патриаршего благословения митрополита не избирали. Епископ Лазарь отвечал, что он рад царской милости и

патриаршему благословению, но надобно подумать с архимандритами и игуменами. 7 августа Лазарь приехал к воеводе и объявил, что духовенство киевское приговорило быть под послушанием Никона патриарха, что теперь они едут в Чигирин на погребение гетманское, а когда возвратятся и укрепятся между собою, то отправят кого-нибудь из своих к великому государю. Выговский писал Лазарю: "Выбирайте митрополита между собою, кого хотите, а нам теперь по смерти гетманской до того дела нет".

А между тем в Москве, ничего не зная, рассуждали с Павлом Тетерею, приехавшим в послах еще от гетмана Богдана Хмельницкого. 4 августа Тетеря представлялся государю и говорил речь: "Егда богодарованную пресветлейшего вашего царского величества державу нынешними времяны, над малороссийским племенем нашим утверденну и укрепленну, внутренними созираю очима, привожду себе в память реченное царствующим пророком: от господа бысть се и есть дивно во очию нашею, воистинно соединение Малые России и прицепление оныя к великодержавному пресветлейшего вашего царского величества скифетру, яко естественной ветви к приличному корени. И якож древле Давиду израильские девы ликоствующе в тимпанех с радостию и гуслех припеваху: победи Саул со тысящами, а Давид - со тмами, тако и пресветлому вашему царскому величеству истинно все Российстии сынове припевати можем: иные цари победиша со тысящами, ты ж, великодержавный царь наш, победил еси со тмами. Преславная воистину есть пресветлого вашего царского величества на враги победа, понеже, ревнующе по благочестивой вере, не пощадил еси своя царския главы, не предпочел еси своего угодия, но, оставя множицею свой царский престол и презревше своя царския палаты, изшел еси пред нами на враги наша и сам возжелал еси поборати по нас, прямых подданных своих. Воистину поставлен еси от вышния десницы божия над Сионом горою святою его, над сионовыми, глаголю, сыны российскими, возвещая нам всем повеления господня и сведения его: не возвещаеши ли нам житием непорочным своим повелений господних? Не учиши ли нас изрядных добродетелей своих? И кто не познавает кротость твою, кто ли не причастен милости твоя? Кто не проповедует благоутробия вашего царского величества и к самим врагам непамятозлобного нрава? Дивно есть во очию нашею, дивно и чудесно: понеже, егда оскудеваше в помощи Малая Россия, тогда бог подвиже благочестивое вашего царского величества сердце, что от высокого своего престола призрел еси на нас и под высокую свою руку воинство наше запорожское щедротне восприяти благоволил, которое, крестным целованием государю и царю своему привязанное, чрез нас, посланников своих, пред святым вашего царского величества престолом до лица земли упадает и, не превратно и не льстиво в своем крестном целовании пребывающе, пресветлого вашего царского величества, яко второго великого во царех и равного во апостолах Владимира, не точию почитает, но и предпочитает, понеже он аще ли российское племя святым просветил крещением, но и сам кроме закона иногда живяше и многих сынов российских своим порочным языческим житием погубляше; но ваше

царское величество вящшие сподобися благодати, егда отторженную ветвь, Малую Россию, приобрете".

Оратору был сделан первый вопрос: по утвержденным статьям, в городах должны быть урядники и всякие доходы собирать на царское величество и отдавать тем людям, которых он пришлет; из этих поборов давать жалованье начальным людям и козакам, которые должны быть в числе 60000. Но поборов до сих пор ничего не взято; гетман их собирает ли и жалованье козакам дает ли? Государь об этом спрашивает не для того, чтоб доходы были надобны в царскую казну, но для того: государь узнал, что на гетмана и полковников козаки бунтуют, будто они доходы собирают на себя, а им жалованья не дают. "То-то и беда, - отвечал Тетеря, - что доходы не собираются, жалованье козакам не дается, и они служат лениво, а принудить их нельзя служить без жалованья. С Киевского воеводства я сам собрал 20000 рублей, а можно собрать и 50000 золотых червонных, если впрямь собирать; в иных поветах полковники собирают со двора золотых по два и по три, говорят, что собирают на гетмана, но гетману если что и дадут, то не все, а корыстуются сами, и от того происходят смуты и бунтовство. Изволил бы великий государь послать к гетману, чтоб сознал раду и при всех царскую милость объявил и статьи вычел: хотя гетману это будет и не любо, только войску будет годно, а нам теперь с гетманом спорить нельзя, потому что будет ему не любо". Объявили посланнику и второе неудовольствие царское: "Гетман не исполнил статьи, чтоб не принимать иностранных послов; царское величество все посылал милостиво, потому что гетман писал с покорностью: так гетману и всему войску, видя такую милость, надобно знать и обещание свое исполнять, ибо за всякое крестопреступление надобно бояться гнева божия". "Все это правда, - отвечал Тетеря, - только нам всего этого гетману выговорить нельзя".

В грамоте, поданной Тетерею от Богдана (от 10 июля), гетман писал, что пошлет к шведскому королю проведать о его умысле; что приказал уже полковнику Антону возвратиться и идти под Каменец; идущему к нему Беневскому скажет, чтоб поляки непременно выбрали царя в короли. Тетеря имел поручение и от Выговского: "Бил челом писарь о маетностях жены своей Статкеевичевны да жены брата своего, дочери Ивана Мещеринова: так какое будет царского величества изволение?" Ему отвечали: "Как присылал к царскому величеству в 1655 году Иван Выговский брата своего Данилу бить челом о маетностях, то великий государь пожаловал их большими городами и маетностями; им этим можно жить без нужды, а Статкеевичевы маетности розданы шляхте присяжной, у которой назад их взять нельзя".

10 августа пришла весть, что Богдан Хмельницкий умер. Тетеря подал письмо от Выговского: писарь писал, что гетман умер 27 июля, во вторник, в пятом часу дня; письмо оканчивалось так: "Непременно надобно бить челом царскому величеству, чтоб изволил нас оборонять войском; да

прошу еще вашу милость: бейте челом царскому величеству, чтоб мне в Литве спокойнейшее житие дать, потому что я тут, будучи стар, с козаками ничего не успею". Тетеря объяснил, почему Выговскому хочется имений в Литве: "Хотя царское величество писаря, отца его и братью и пожаловал, только они этим ничем не владеют, опасаясь Войска Запорожского". Ему отвечали: "Если они до сих пор не владели, опасаясь Войска, то теперь будет послан в Малую Россию ближний боярин князь Алексей Никитич Трубецкой; он об этих маетностях объявит, и тогда Выговским можно будет ими владеть свободно с ведома Войска". "Сохрани боже! - отвечал Тетеря, - чтоб царское величество Войску о своих пожалованиях объявлять не велел, потому что об этом и гетман Богдан Хмельницкий не знал; если в Войске сведают, что писарь с товарищами выпросили себе у царского величества такие большие маетности, то их всех тотчас побьют и станут говорить: мы всем Войском царскому величеству служили и за него помирали, а маетности выпросили себе один писарь с товарищами; да станут говорить, чтоб всеми городами и местами владеть одному царскому величеству, а им кроме жалованья ничего не надобно. Если царское величество велит пожаловать писаря, отца его и брата маетностями, то велел бы отвести в литовских краях особое место, чтоб им ни с кем ссоры не было, а в Войске Запорожском владеть им ничем нельзя. Из присланных мне писем вижу я, что теперь старшины все при гетмановом сыне Юрии, в Войске смирно, и думаю, что выберут Юрия в гетманы. Но как послышат, что царское величество шлет своих бояр и рада будет, то при гетманове сыне есть много таких людей, которые ему дружат, а с полковниками не в совете, и станут они ему говорить, чтоб рады не сбирал, чтоб ему своего владенья не убавить, так же как и отец его рады не сбирал, а владел всем один, что прикажет, то всем Войском и делают, а только раду ему собрать, то на раде без бунта не пройдет: у всякого будет своя мысль, иной захочет в гетманы Юрия Хмельницкого, иной - другого, а иной захочет того, чтоб владел всем царское величество, а хотя и гетман будет, то владенье его перед прежним будет не так сильно. У нас теперь от неприятелей спасенья нет, а в Войске много неразумных людей, которые станут мыслить, что царские бояре идут с войском за тем, чтоб Войско Запорожское чем-нибудь стеснить, а нам теперь войска не надобно. Царское величество изволил бы в своей грамоте вначале написать имя гетманова сына Юрия, чтоб ему не было досадно; отец его государю бил челом, чтоб после него гетманом быть сыну его, и царского величества на то изволение есть".

Сам Выговский давал знать о гетманстве Юрия Хмельницкого; так, он писал к путивльскому воеводе Зюзину: "Если хочешь знать, кто теперь избран в гетманы, то, я думаю, ты знаешь, как еще при жизни покойного гетмана вся старшина избрала сына его пана Юрия, который и теперь гетманом пребывает, а вперед как будет, не знаю; тотчас после похорон соберется рада изо всей старшины и *некоторой* черни; что усоветуют на этой раде, не знаю. А я после таких трудов великих рад бы отдохнуть и никакого урядничества и начальства не желаю". К Бутурлину в Киев писал Выговский, что польский посол Беневский прислан к ним для хитрости,

чтоб отлучить Войско Запорожское от высокой царской руки, но что такой неправде в Войске Запорожском места нет, от царского величества оно во веки веков не отступит.

Зюзин, узнав из письма Выговского о раде, отправил подьячего в Чигирин посмотреть, что там будет делаться. Подьячий приехал в Чигирин 21 августа и тотчас же явился к писарю, Выговский говорил ему: "Царскому величеству я верен во всем, служу великому государю и Войско Запорожское держу в крепости. Как гетмана Богдана похороним, то у нас будет рада о новом гетмане, а мне Богдан Хмельницкий, умирая, приказывал быть опекуном над сыном его, и я, помня приказ, сына его не покину. Полковники, сотники и все Войско Запорожское говорят, чтоб мне быть гетманом, пока Юрий Хмельницкий в возрасте и в совершенном уме будет". Августа 23-го похоронили Богдана в Субботове; 26-го была рада: выбрали гетманом Выговского, дали ему царскую булаву и говорили, чтоб он великому государю служил верно и над Войском Запорожским добрую управу чинил. Выговский отвечал: "Эта булава доброму на ласку, а злomu на каранье; потворствовать я никому не буду; Войско Запорожское без страха быть не может". Старшина козацкая, также войты и бурмистры говорили, чтоб новый гетман прочел им всем вслух царскую жалованную грамоту, хотят они знать, на каких волях пожалованы. Гетман прочел грамоту, и все закричали: "Рады великому государю служить вечно!" Подьячий привез Зюзину грамоту от нового гетмана. Выговский, теперь уже Иоанн, а не Иван, писал, что покойный Богдан сына своего и все Войско Запорожское ему в обереганье отдал, а теперь вся старшина и чернь старшинство над Войском ему же вручили и он царскому величеству верно служить будет. Бутурлину Выговский писал: "Ни желания, ни промысла, ни помышления моего о том не было, чтоб быть мне старшим над Войском Запорожским; но, видно, исполняя волю божию, Войско советными голосами возложило на меня не столько уряд, сколько тягость. Надеюсь, что царское величество будет доволен моими услугами".

Между тем, еще не зная о выборе Выговского, государь отправил в Малороссию стольника Кикина объявить Войску, что царское величество, известившись еще от покойного Богдана о неприятельских замыслах хана крымского, посылает на помощь козакам войско свое под начальством князя Григория Григорьевича Ромодановского и Василия Борисовича Шереметева; сверх того, скоро явятся к ним Алексей Никитич Трубецкой и Богдан Матвеевич Хитрово для рады. Мы видели, что говорил Тетеря о жалованье козакам и как проговорился он, что некоторые будут желать непосредственного подчинения Малороссии царю. В Москве не проронили этих слов, и Кикину велено было говорить рядовым козакам: давали ли им при гетмане Богдане во время походов жалованье? И если скажут, что не давали, внушить, что гетман делал это без воли государя, который назначил им на жалованье сбор с городов и поветов малороссийских, и теперь все это велел рассмотреть и указ учинить князю Трубецкому. Кикин должен был также говорить с войтами, бурмистрами и мещанами наедине,

что гетмана не стало, а на города малороссийские наступили неприятели, крымский хан и ляхи, да у них же между собою учинилось смятение; царское величество для их обороны послал войско, а для своих государевых дел - князя Трубецкого с товарищами: так они бы ничем не оскорблялись. А если станут говорить: хорошо было бы, если б великий государь для всяких неприятельских приходов и расправных дел изволил быть у них в городах своим воеводам, то отвечать, что все эти дела положены на князя Трубецкого. А если про воевод и не начнут говорить, то Кикину самому начать, чтоб государевым воеводам быть в черкасских знатных городах для того, чтоб тамошним жильцам от полковников и других людей обид и налогов не было. Кикин должен был везде разведывать: кто у черкас начальный человек, кого больше слушают и кого хотят избрать в гетманы, Юрия ли Хмельницкого или кого другого, и нет ли теперь между черкасами на полковников какого рокошу, и если есть - за что? И чего между ними чаять? И захотят ли, чтоб в городах были государевы воеводы?

В Украине действительно начинался рокош, но шел он не снизу, а сверху. Присоединение к Москве было делом народного большинства, и большинство это до сих пор не имело никакой причины раскаяться в своем деле. Другой взгляд был у меньшинства, находившегося наверху: для этого меньшинства, для войсковой старшины и особенно для шляхты соединение с шляхетским государством, с Польшею, имело более прелести. Представителем этого меньшинства был именно шляхтич Выговский, сделавшийся теперь, *по избранию меньшинства*, гетманом. Уже и Богдану, привыкшему, во время борьбы с Польшею, распоряжаться произвольно, тяжело было подчинение Московскому государству, столь ревнивому к правам своим; уже Богдану тяжело было извертываться пред послами великого государя, требовавшими неуклонного исполнения обязательств. Но старого Богдана за его славу и заслугу щадили в Москве; будут ли щадить Выговского? Последний имел основания решать этот вопрос отрицательно и давно уже устремлял свои взоры на запад, к шляхетскому государству, где сулили ему блестящее, независимое положение, сенаторство. Многие из старшин, прельщенные теми же выгодами, были на стороне Выговского. Но прямо, немедленно объявить себя против Москвы и соединиться с Польшей было нельзя: Польша была слаба, не оправилась еще от тяжелых ударов, нанесенных ей Москвою и Швециею, не могла она собственными силами защитить Выговского и товарищей его от мщениа царского; притом же войско и народ были против подданства Польше; надобно было сначала хитрить и опереться на какой-нибудь другой союз, действительнее польского, и Выговский обратился к хану крымскому, союз с которым так много помог Хмельницкому в начале борьбы его с Польшей. Мы видели, какой сильный гнев возбудило в Крыму известие о подданстве Малороссии московскому царю. Явно помогая польскому королю против козаков, подданных царских, хан не прерывал сношений с Москвой, брал подарки по-прежнему, менялся послами, но послы его твердили: "Царское величество велел бы донских козаков унять, чтоб они крымскому юрту

убытков не чинили и на море не ходили; а если царь донских козаков унять не велит и станут отказывать по-прежнему, будто донские козаки у него, государя, в непослушаньи, то у хана есть в степи ногайских татар, вольных людей немало, и они также Московскому государству убытки чинить станут. Царское величество в титуле своем пишет Великую и Малую Русь; у крымского хана Малая Русь была под рукою лет с 7 или 8, но хан Малою Русью не писался, а ныне бог ведает, за кем та Малая Русь будет. Прежде с крымскими послами и гонцами хаживали многие люди, а после это отговорено, и ходят теперь с послами немногие люди: чтоб царское величество указал и теперь людям ходить по-прежнему". Хан писал царю: "В вашей грамоте написано не по-прежнему: "восточной и западной и северной страны отчичь и дедичь, наследник и обладатель". Таких непристойных титулов предки ваши не писывали: где Москва? Где восток? Где запад? Между востоком и западом мало ли великих государей и государств? Можно было это знать и не писаться всей вселенной отчичем, дедичем и обладателем; так лживо и непристойно писать непригоже!" Когда послы Выговского явились в Крым с объявлением, что новый гетман откладывается от царя московского, то хан не знал, верить или не верить такой радости; ближний человек его, Сефергазы-ага, в разговоре с московским посланником Якушкиным сказал: "Писарь Иван Выговский, узнав, что хан Магмет-Гирей собирается идти на запорожских черкас войною за их воровство и грубость, присылал в Крым гонцов своих сказать, что он, писарь, сделался гетманом и у московского государя в подданстве быть не хочет, хочет быть в подданстве у Магмет-Гирея; но хан его словам не верит, потому что черкасы люди непостоянные". Якушкин возражал, что Сефергазы-ага напрасно называет черкас ворами, воровства их нигде не бывало. Но, сделав это возражение, Якушкин не оставил, однако, без внимания слова Сефергазы-аги и осведомился у преданного Москве князя Маметши-Сулешова, зачем приезжали гонцы от Выговского? Сулешов рассказал все подробно: гонцы приезжали с предложением союза, какой был у козаков с крымцами при Богдане Хмельницком: Выговский просил, чтоб по заключении союза хан шел вместе с ним разорять Запорожье, потому что московский царь посылает запорожцам жалованье и наущает их на него, Выговского. Хан отправил к Выговскому князя Караша для заключения союза, и Выговский объявил посланному настоящую причину, по которой он отложился от Москвы: московский государь посылает к ним в черкасские города воевод, а он, гетман, у воевод под началом быть не хочет, хочет черкасскими городами владеть сам, как владел ими Богдан Хмельницкий. Вследствие этого хан велел объявить Якушкину, что он готов дать шертную грамоту, но такую, какие давались царю Михаилу Феодоровичу, без упоминания о черкасах, потому что запорожские черкасы люди вольные, на мере еще не стали и у царского величества еще не утвердились. Такой шерти московский царь не мог принять, и если хан заключал союз с изменившими царю козаками малороссийскими, то в Москве, разумеется, не имели более побуждений удерживать донских козаков от войны с бусурманами. Еще в мае 1657 года

донцы писали царю: "В твоих государевых грамотах к нам писано, чтоб нам с турским и с крымским ханом никакого задора не чинить; и мы твоего царского повеленья не преслушались, с азовцами помирились. Но они души свои потеснили, в миру и в правде своей не устояли, твою вотчину, Черкасский городок, у нас хотели за миром и за душами взять, приходили к нам на приступ с приметом, и мы долгое время от них в осаде сидели и отсиделись, а приходили к нам от хана крымского многие мурзы с таманцами, черкесами горскими, кабардинцами, малыми ногаями, темрюцкими и азовцами; да и теперь слухи приходят, что хан хочет быть к нам сам со многими умыслами и на похвальбе, хочет твою государеву вотчину запустошить, столповую реку Дон и верхние городки". Донцы не остались в долгу, и летом того же года посланники царские в Крыму были свидетелями, как они вошли в устье Алмы, чтоб заpastись водой, бились с татарами, которые не хотели давать им воды, жгли деревни. Татары были в ужасе, тем более что хан ушел в поход; они ежечасно ждали нового нападения козаков, покопали глубокие ямы и на ночь сажали туда невольников; ямы закладывали досками и сами спали на этих досках, боясь, чтобы невольники не убежали к козакам. Осенью донцы писали царю, что уже целый год не приезжают к ним торговые люди из украинских городов, из Ельца, Воронежа, Белгорода и Валук, хлебных запасов, пороху и свинцу купить негде, помирают голодной смертью. "А мы, холопи твои, служим тебе с воды да с травы, а не с поместий и не с вотчин". В марте 1658 года великий государь пожаловал, велел послать к ним тысячу рублей денег, тысячу рублей за хлебные запасы, пушечных запасов тридцать пуд, зелья пушечного пятьдесят пуд. У донцов окончательно развязались руки.

Между тем положение нового гетмана малороссийского далеко не было завидным: он был избранник меньшинства и похититель в глазах огромного большинства козаков, для которых законным гетманом мог быть только выбранный вольными голосами на общей раде, а Выговский не мог надеяться такого избрания: за молодым Хмельницким было знаменитое имя, дорогое козачеству; минуя Хмельницкого, были полковники, выдававшиеся вперед заслугами войсковыми, а Выговский был писарь, звание, не пользовавшееся особенным уважением в воинственной толпе; кроме того, Выговский даже не был козак и, что всего хуже для козака, был шляхтич. Попытка Выговского и его приверженцев поднять в козаках недовольствие против Москвы не удалась. Григорий Лесницкий, приехавши по смерти Богдана из Чигирина в Миргород, собрал раду на своем полковничьем дворе, собрал сотников и атаманов и говорил им: "Присылает царь московский к нам воеводу Трубецкого, чтоб Войска Запорожского было только 10000, да и те должны жить в Запорожье. Пишет царь крымский очень ласково к нам, чтоб ему поддались; лучше поддаться крымскому хану: московский царь всех вас драгунами и невольниками вечными сделает, жен и детей ваших в лаптях лычных водить станет, а царь крымский в атласе, аксамите и сапогах турецких водить будет". Сотники и атаманы отказали, что бусурману не хотят поддаваться. Тот же Лесницкий прислал грамоту в Константинов: "Были

мы в подданстве у его царского величества на своих волях по смерти гетмана Богдана Хмельницкого; а теперь идут к нам воеводы Трубецкой и Ромодановский с войском, и вы должны будете давать им кормы и всякую живность; по нашим городам хотят посадить царских воевод и живность им давать, а которые подати брали на короля и на панов, и те подати будут брать на государя; войску быть в Запорогах всего десяти тысячам: остальные будут или мещане, или хлопы, а кто не хочет быть мещанином, тому быть в драгунах". Вслед за этой грамотой Лесницкий прислал другую *лукавством*, отводя чернь от шатости, чтоб прежнюю грамотою не тревожились. Сам Выговский, приехав в Корсунь, созвал 11 октября полковников, отдал им булаву и сказал: "Не хочу быть у вас гетманом: царь прежние вольности у нас отнимает, и я в неволе быть не хочу". Полковники отдали ему назад булаву и говорили, чтоб был у них гетманом. "За вольности будем стоять все вместе", - говорили они и приговорили послать к государю бить челом, чтоб все было по-старому. Выговский взял булаву и, подняв ее, говорил: "Вы, полковники, должны мне присягать, а я государю не присягал, присягал Хмельницкий". Тут отозвался полтавский полковник Мартын Пушкарь: "Все Войско Запорожское присягало великому государю, а ты чему присягал: сабле или пищали?" Выговский вынул из кармана московские медные деньги, бросил по столу и сказал: "Хочет нам царь московский давать жалованье медными деньгами; но что это за деньги, как их брать?" Отвечал тот же Пушкарь: "Хотя бы великий государь изволил нарезать бумажных денег и прислать, а на них будет великого государя имя, то я рад его государево жалованье принимать".

Надобно было хитрить с Москвою. Отсюда в сентябре явился любимец государев Матвеев с выговором генеральному писарю и старшинам, зачем не уведомили великого государя о кончине гетмана Хмельницкого, и с приказанием отправить козацкое посольство в Стокгольм для склонения шведов к миру. Выговский оправдывался: в самый день смерти гетмана приказал было он трем гонцам ехать в Москву с этою вестью; но начальные люди стали волноваться и говорить, будто он, желая получить гетманство, посылает своих людей от себя, а не от Войска Запорожского; это и заставило его дать знать о гетманской смерти киевскому воеводе Андрею Васильевичу Бутурлину и князю Григорию Григорьевичу Ромодановскому. В Швецию обещал писать, чтоб король не надеялся на Запорожское Войско, которое будет действовать против него, если он не помиритя с Москвою. Выговский говорил с Матвеевым только как писарь, но Матвеев же привез царю известие, что Выговский избран в гетманы, и 18 октября государь отправил к Выговскому, уже как к гетману, стряпчего Рагозина с известием о рождении царевны Софии Алексеевны. Везде по дороге простые козаки рассказывали Рагозину, что Грицка Лесницкий отводил их от государя, но что они и мещане не согласились; рассказывали, что Запорожье шатается. Выговский говорил Рагозину: "Из Запорожья поехали воры бить челом царскому величеству: так великий государь изволил бы держать их у себя или бы пожаловал, ко мне изволил прислать, чтоб вперед ссоры не было; они себе выбрали другого гетмана. Если

великий государь отпустит их в Запороги, то у меня для них поставлены заставы по всем дорогам, чтоб их переловить. Да я же не велю к ним торговых людей с запасами пропускать, и им будет есть нечего". При Рагозине приехали из Запорожья козаки с листом к гетману, били челом, чтобы он в Запороги не ходил и никого не посылал, потому что воры-заводчики, бунтовщики все разбежались; посланцы били челом, чтобы гетман велел пропускать к ним торговых людей с запасами. Выговский отвечал им: "Когда пришлют ко мне Барабашенка, то я войска на них не пошлю и торговых людей велю пропускать", И на возвратном пути козаки повторяли Рагозину: "Мы все ради быть под государевою рукою, да лихо наши старшие не станут на мере, мнутяся, только чернь вся рада быть за великим государем". В Лубнах наказный войт Котляр говорил посланнику: "Мы все были ради, когда нам сказали, что будут царские бояре и воеводы и ратные люди; мы, мещане, с козаками и чернью заодно. Будет у нас в Николин день ярмарка, и мы станем советоваться, чтоб послать к великому государю бить челом, чтоб у нас были воеводы".

Но в то время как Рагозин ехал в Чигирин, в Москву приехали козацкие посланники - есаул Миневский и сотник Коробка с известием, что Выговский избран в гетманы, и с просьбой от всего Войска Запорожского, чтобы великий государь утвердил избранного и дал ему такую же грамоту, как и Хмельницкому. Посланцы рассказывали: "В войске и в городах все тихо, посылок ссорных от польских людей не слышали, и шалости у нас ни от кого нет; хотят все единодушно быть в подданстве вечном у великого государя. Учинил было бунт Лесницкий, внушал людям, будто государь велел посадить по малороссийским городам воевод и вольности козацкие велел ломать. Но гетман Иван Выговский, послыша то, козаков разговорил, чтоб они этому не верили, на полковника Грицка гневается и ни в какую раду пускать его не велел, и, когда Ивана Выговского выбирали в гетманы, в то время Грицка в раду не пускали. Как великий государь гетмана пожалует, прежние привилеи велит подтвердить, то гетман полковника Грицка переменит. Бунтует в Запорогах козак Барабашенок с своевольниками гультаями и хочет учинить в Запорожье армату, такую же, какая в Войске при гетмане; а всему этому заводчик Грицка Лесницкий, потому что хотел на гетманство, и как по его мысли не случилось, то он в своем полку многие смутные речи вмещал; прошлого года, как ходило Войско Запорожское против татар, наказным гетманом был Грицка; Хмельницкий дал ему булаву и бунчук, и как гетмана Богдана не стало, то Грицка булавы и бунчука отдать не хотел; Иван Выговский посылал для того к нему гетманова сына Юрия, но Грицка и ему булавы и бунчука не отдал, держал их у себя целую неделю, так что полковники, собравшись, должны были брать их у него силою. Так теперь Грицка, злясь на гетмана Выговского и на полковников, бунт и заводит".

Посланцам заметили, что на челобитной, ими привезенной, нет рук челобитчиков, ни обозного, ни судьи, ни полковников. Спросили: при избрании Выговского много ли полковников, сотников и черни было? И

запорожцы были ли, и не было ли от них рокоша? Посланцы отвечали: "На первой раде в Чигирине были полковники и чернь немногие; запорожские козаки были, и рокошу от них никакого не было. А как была другая рада в Корсуни, то на ней были полковники и козаки всех полков, со всяким сотником было черни человек по 20. На этой раде гетман Иван Выговский клал булаву и бунчук и говорил Войску, чтоб они гетмана выбрали, кого себе излюбят, и из рады поехал было вон, но Войско, догнав его, упросило, чтоб он был гетманом, и булаву и бунчук ему дали. Из Запорог на этой раде козаков не было потому: если бы за ними посылать, то в этом прошло бы недели три или четыре; да и посылать за ними было не для чего, потому что в Запорогах живут наши же братья козаки, переходят из городов для промыслов, и иной который пропьется или проиграется, а жены их и дети живут все по городам; а присылали на эту другую раду запорожские козаки с листом о войсковом деле".

Но бояр не удовлетворяли эти рассказы; смущали их названия: *Войско Запорожское, гетман Войска Запорожского*, а между тем гетманские посланцы с таким пренебрежением отзывались о Запорожье! Посланцам даны были еще вопросы: гетманы в Запорожье ли живали или в городах, и откуда гетманов выбирали, и гетман Богдан Хмельницкий откуда выбран? Посланцы отвечали: "Прежде гетманы и Войско больше живали в Запорогах, потому что в то время были у них добычи, ходили челнами на море, а теперь им на море ходить уже нельзя. Гетман Богдан Хмельницкий выбран был в Запорогах же, и сам он был запорожанин". Посланцев спросили: не чают ли они вперед от Запорожья бунта, потому что запорожцев на второй раде не было? "Бунта не ждем, - отвечали посланцы, - потому что Выговского выбрали всем Войском; но лучше было бы сделать так: пусть великий государь пошлет в Войско кого ему угодно, тот посланный соберет всех полковников, сотников, чернь городовую и из Запорожья, учинит раду большую вновь, и кого на этой раде в гетманы выберут, тот бы уже был прочен и царскому величеству присягу дал; да и гетман Иван Выговский желает того же, потому что уже тогда он никого бояться не станет, в Войске и в черни никакой смуты не будет; если же выберут кого-нибудь другого, то он, Иван, этим не оскорбится". Где же лучше собрать раду? - спросили их. "Всего лучше в Переяславле, - отвечали они, - потому что место людное и всем людям съезд близок". Посланцы были отпущены с грамотой, в которой государь писал Войску, что для утверждения новоизбранного гетмана посылает окольного Богдана Матвеевича Хитрово.

Мы видели, какие меры принимал Выговский, чтобы не пропустить посланцев из Запорожья в Москву; он убежал к Морозову, к которому писал: "Просим твоей милости, изволь пред его царским величеством за пас ходатаем быть, чтоб великий государь своевольникам, о вере и прямой службе не радящим, не изволил верить, чтоб посланцев их покарал, потому что эти своевольники о вере не радуют, о службе царской не думают, жен, детей, пожитков и доходов никаких не имеют, только на чужое добро

дерзают, чтоб было им на что пить, зернью играть и другие богу и людям мерзкие бесчинства творить; а мы за веру православную и за достоинство царского величества при женах, детях и маетностях наших всегда умереть готовы".

Страшные запорожцы, однако, пробрались мимо всех застав Выговского, в ноябре явились в Москве, били челом от кошевого атамана Якова Федоровича Барабаша и объявили: "Хотя по сие время все Войско Запорожское и вся чернь, городовая и запорожская, великие обиды и притеснения терпят от гетмана городского и от всех полковников и других начальных людей в городах, однако они молчали до вашего царского указа. Но теперь все Войско Запорожское увидало от городских старшин против вашего царского величества великую измену; чернь Войска Запорожского узнала подлинно, что еще при жизни Богдана Хмельницкого вся старшина, гетман и все полковники присягу учинили неведомо для чего с князем Седмиградским Рагоци, с королем шведским, с воеводами молдавским и волошским и к царю крымскому посылают грамоты: все это измены вашему царскому величеству! Чернь Войска Запорожского на это не произволяет и никакой измены делать не хочет; из городов к нам на Запорожье бегут и сказывают, что старшие городовые от вашего царского величества отступили". Посланцев спросили: "Какие обиды гетман им делает?" Они отвечали: "Рыбы в речках ловить не велит и вина на продажу держать; отдают все это на аренду, а все поборы собирает гетман себе, в Войско ничего не дает, говорит, будто казну держит на посольские расходы, но послов принимает и отпускает он без указа, чего не довелось делать, при польских королях гетманы этого не дельвали". Спросили: "Чего же запорожцы хотят теперь?" Посланцы отвечали: "Хотим, чтоб послан был в Войско ближний человек и собрал раду: на этой раде выбирать в гетманы, кого всем Войском излюбят". Спросили: "Где раду собрать, в Киеве?" Козаки отвечали: "В Киеве из Запорожья собираться далеко: лучше раде быть под городом Лубнами, на урочище Солянице: это место середина". Потом стали говорить, чтобы быть раде в Запорожье, потому что и прежние гетманы выбирались из Запорог, тут у них столица запорожская. Им отвечали: "Несхожее дело, что раде быть в Запорожье, место дальнее и от неприятелей опасно; лучше быть раде в Киеве, потому что тут столица Малой России, в Киеве духовные власти и всякие урядники; также и в Лубнах раде быть непристойно, место малое, да и гетман Выговский, опасаясь их, туда на раду не поедет". Но посланцы настаивали на Лубнах. После этого разговора у них спросили: "Когда умер Хмельницкий, то у черни на Выговского и полковников была молва и говорили: лучше, если б были у них в городах царские воеводы; так теперь вам надобно ли, чтоб в знатных городах были воеводы и городовые всякие дела ведали, а полковники ведали бы только войсковые дела?" Посланцы отвечали: "Об этом мы давно у царского величества милости просить хотели, вся чернь и мещане тому рады, да не допускают до того полковники для своей корысти". Насчет Выговского посланцы сказали: "Выговского мы гетманом отнюдь не хотим и не верим ему ни в чем,

потому что он не природный запорожский козак, а взят из польского войска на бою при Желтых Водах; Богдан подарил ему жизнь и сделал писарем; но он, по своей природе, Войску никакого добра не хочет, да у него и жена шляхтянка из знатного дома, и та потому же Войску Запорожскому добра не хочет". Государь отпустил и этих посланцев с тем, что высылает окольного Хитрово на раду, которая будет в Переяславле.

Так ясно высказались в Малороссии две враждебные стороны: сторона старшины и сторона черни, представителем которой было Запорожье, наполненное людьми без семейства и собственности, как писал Выговский. Борьба этих сторон, неуменше соединиться в общих интересах страны уже готовили Малороссии судьбу Новгорода Великого. Москва с своим началом уравниения была тут и со своим обычным постоянством при всяком удобном случае задавала вопрос: "Ссоритесь, обижаете друг друга: не хотите ли воевод его царского величества?" И мы видели, что в Малороссии шли навстречу этому вопросу: посланцы запорожские, войт лубенский просили воевод; о том же писал к Ртищеву нежинский протопоп Максим Филимонов: "Изволь, милостивый пан, советовать царю, чтоб, не откладывая, взял здешние края и города черкасские на себя и своих воевод поставил, потому что все желают, вся чернь рада иметь одного подлинного государя, чтоб было на кого надеяться; двух вещей только бояться: чтоб их отсюда в Москву не гнали да чтоб обычаев здешних церковных и мирских не переменили. Мы их обнадеживаем, что царь этого не желает, желает только веры и правды нашей. Мы все желаем и просим, чтоб был у нас один господь на небе и один царь на земле. Противятся этому некоторые старшие для своей прибыли: возлюбивши власть, не хотят ее отступить; пугают народ, что как скоро царь и Москва возьмут его в свои руки, то нельзя будет крестьянам в сапогах и в суконных кафтанах ходить, в Сибирь или на Москву будут загнаны; для того царь и попов своих пошлет, а наших туда же погонят. Слышим, что должен прийти сюда князь Трубецкой: пусть приходит, чтоб скорее конец был с панами нашими начальными".

Между тем уже семь недель стоял в Переяславле с войском князь Григорий Григорьевич Ромодановский, дожидаясь гетмана, чтобы условиться с ним о военных действиях. 25 октября приехал в Переяславль Выговский; московский воевода встретил его упреками: "И покойный Хмельницкий и ты писали государю, что на вас наступил хан крымский вместе с поляками, и просили помощи; я по государеву указу поспешил к вам из Белгорода, вот уже семь недель стою в Переяславле, несколько раз писал к тебе, чтоб ты сюда приехал, и ты только теперь явился, а между тем царского величества ратным людям запасов и конских кормов не давали, и много ратных людей от этого разбежалось, лошади от бескормщины попадали, и если вы запасов давать не будете, то мне велено отступить в Белгород". Выговский отвечал: "Мы за царскую премногую милость челом бьем, приходу твоему ради, виноваты, что по сие время ратным людям запасов было скудно: после Богдана Хмельницкого я на гетманстве не утверждался

долгое время, до Корсунской рады, многие мне были непослушны, а теперь царского величества ратным людям дворы и запасы будут нескучные. Неприятеля ляхи все в сборе, и татар 20000 наготове, ждут, чтоб между нами в Войске Запорожском смута и рознь какая-нибудь началась или чтоб государевы ратные люди отступили: тогда они на черкасские города и придут. Если ты с войском своим отступишь и оттого кровь христианская прольется, то буди царская воля, но на ком великий государь изволит за это взыскать? После Богдана Хмельницкого во многих черкасских городах мятежи и шатости и бунты были, а как ты с войском пришел, и все утихло. А в Запорожье и теперь мятеж великий, старшин своих хотят побить и поддаться крымскому хану. Я иду их усмирить, а ты, князь Григорий Григорьевич, перейди с своим войском за Днепр и стой за Днепром против неприятелей ляхов и татар; черкасского войска будет с тобою несколько полков, а я, управляясь с бунтовщиками, буду к тебе за Днепр тотчас же. Бунтовщики многие говорят, будто мы царскому величеству служим не верно, но мы живым богом обещаемся, клянемся небом и землею, не покажи, господь, на нас милости, если мы какую-нибудь неправду мыслили или вперед будем мыслить". Ромодановский сказал на это: "Без повеленья царского за Днепр не пойду, стану писать об этом к великому государю".

Выговскому очень хотелось удалить Ромодановского с царским войском за Днепр, на польские границы; но в Москве, слыша беспрестанно и от Выговского, и от врагов его о волнениях и вредных замыслах, хотели стать крепкою ногою в черкасских городах, ввести туда воевод. Хитрово, приехав в Переяславль для рады, прежде всего начал говорить гетману о воеводах, чем, разумеется, заставлял его и приверженцев его торопиться делом отпадения. "Великий государь, - начал Хитрово, - велел тебе, гетману, и всему Войску Запорожскому говорить вслух: когда вы были под властью королей польских, в то время в городах никаких крепостей делать вам не позволялось, и когда вы учинились под государевою рукою, то неприятеля ваши, ляхи и крымские татары, многие города и места в Малой России запустили. Великий государь, видя на вас неприятельские нахождения, оборонял вас своими ратными людьми, а в Киеве велел устроить город крепкий. Вы и сами такую царскую милость выставляете. Так великий государь, желая, чтоб Войско Запорожское было от неприятельских безвестных приходов в бесстрашии, изволил в знатных городах малороссийских, Чернигове, Нежине, Переяславле и других, быть своим воеводам и ратным людям и крепить эти города; полковники будут ведать козаков и расправу между ними по войсковому праву чинить, а в городах мещан будут ведать войты и бурмистры по их правам, а воеводы станут ведать осадных людей, судить и расправу чинить по вашим правам; поборы подымные и с аренд собирать в войсковую казну и давать на Войско Запорожское, как на службу пойдет, и осадным ратным людям, которые будут при царских воеводах". Выговский, чтоб оттянуть страшное дело, отвечал письменно: "Мы постановили быть воеводам в городах Малой России, а в каких городах им быть, об этом доложу вашему царскому величеству, когда, бог даст, увижу ваши пресветлые очи". Потом Хитрово

говорил, что Старый Быхов сдался на царское имя, а залога (гарнизон) в нем козацкая: так пусть гетман прикажет козакам выйти из Быхова, потому что этот город издавна принадлежит к Оршанскому повету. На это Выговский отвечал, что готов исполнить царскую волю. Хитрово повторил также старую жалобу на прием беглых крестьян: от помещиков и вотчинников брянских, корачевских и путивльских бегут крестьяне толпами в черкасские города, Новгород Северский, Стародуб, Почеп, и, приходя из этих городов к старым своим помещикам и вотчинникам, жен и детей их бьют, грабят и в избах заваливают, людей их и крестьян с собою вывозят со всем именем. Гетман обещал разыскать и карать полковников, виновных в приеме крестьян. Наконец Хитрово сделал Выговскому следующий упрек: "Гетман Богдан Хмельницкий в грамотах царскому величеству писался верным слугою и подданным, а ты теперь, Иван, написался вольным подданным, и так тебе к царскому величеству писать не годилось". Кроме гетмана Ивана Выговского Хитрово нашел в Переяславле обозного, судью, полковников, сотников и много черни. Несколько времени дожидались полтавского полковника Мартына Пушкаря; потом начали говорить, что ждать больше нельзя, все разъедутся и если Пушкарь так долго не едет, то это неспроста, приедет с войском и начнется междоусобие. Тогда Хитрово созвал раду и объявил, чтоб все Войско выбирало себе гетмана кого хочет, по своим волям. Старшины и чернь отвечали единогласно, что выбран в гетманы всем Войском Иван Выговский и люб он всем. Тут Выговский положил булаву и сказал, что не хочет гетманства, потому что многие люди в черни говорят, будто он на гетманство захотел сам собою и будто выбрали его друзья. Обозный, судья, полковники и вся чернь стали его упрашивать, чтоб держал булаву по их единогласному избранию, и гетман, по прошению всего Войска, булаву принял и присягнул великому государю. Дело казалось конченным, но вот скачет гонец из Полтавы и подает Хитрово грамоту: Пушкарь пишет, что приедет в город Лубны, где должна быть новая рада о гетманском избрании, а Переяславская рада не в раду. "Приезжай в Переяславль видеться со мною", - отвечает окольный, но Пушкарь не едет; возвращается посланец Хитрово и доносит, что у полтавского полковника живут посланцы запорожского кошевого Барабаша - Михайла Стрынжа с товарищами - и при Пушкаре говорят про Хитрово многие бесчестные речи к большой ссоре.

Прошел 1657 год. В начале 1658-го Выговский казнил смертью в Гадяче несколько начальных людей, ему неприятных; с Пушкарем пытался было он покончить миром; но Пушкарь забил в кандалы и отослал в заточение посланца гетманского, сказавши: "Выговский хочет и со мною помириться так же, как помирился в Гадяче с братьями нашими, которые получше его будут, головы им отсек, но со мною ему так не сделать". Выговский, узнавши о судьбе своего посланца, отправил против Пушкаря полковника Богдана с козаками и Ивана Сербина с сербами своей гвардии, всего полторы тысячи. Но Пушкарь уже успел призвать к себе запорожцев, которые, вместе с полтавскими козаками, 25 января разгромили отряд

Богдана и Сербина под Диканькою, побили у них человек 300, после чего Пушкарь, усилив себя войском, набранным из всякого рода людей, выгнал Лесницкого из Миргорода, где полковником был провозглашен Степан Довгаль. Новый митрополит киевский Дионисий Балабан грозил Пушкарю проклятием за междоусобие; Пушкарь отвечал: "Вся чернь Войска Запорожского не хочет иметь Ивана Выговского гетманом. Только когда состоится общая рада и вся чернь днепровская единомысленна будет с чернью городовою всего Войска Запорожского, тогда, по царским жалованным грамотам, вольно будет Войску Запорожскому, всей черни улюбить того же пана Ивана Выговского и принять на гетманство, и я готов то же сделать вместе со всею чернью Запорожского Войска и быть во всем послушным. Все, что теперь делается, делается не по моему хотению, а по воле божией; делают это все Войско и вся чернь, по жалованным грамотам, и меня одного от себя отпустить к пану Выговскому не хотят. Вместе с посланцами, бывшими у царского величества, все Войско из Запорожья выгреблось и с городовым Войском Запорожским для рады генеральной соединилось, а не для каких-нибудь бунтов. Что мы бунтовщики, этого на нас никогда никто не докажет, и мы готовы во всем перед царским величеством оправдаться, только пусть едут в Москву пан Иван Выговский и пан Григорий Лесницкий. А что ваша пастырская милость грозите своим неблагословием, то налагайте его на кого-нибудь другого, кто неверных царей принимает, а мы одного православного царя держимся. Послали мы на войну православных христиан, охраняя собственную жизнь, видя наступление врагов, а междоусобной брани между народом христианским и Войском Запорожским не было и не будет. А можно было некоторое время и в Переяславле подождать Войска Запорожского, которое уже выгреблось из Запорожья, также и городского войска подождать". 8 февраля Пушкарь прислал в Москву первый извет свой на Выговского, писал, что гетман - изменник государю, помирился с ляхами и Ордою и что он, Пушкарь, слышал об этом от Юрия Хмельницкого.

Выговский не ехал в Москву, как приглашал его Пушкарь, давал знать государю, что непременно бы приехал видеть его пресветлые очи, если бы не задерживали его внутренние смуты и вести о враждебных движениях ляхов, татар и турок. Вместо гетмана в апреле явился в Москву уже известный здесь Григорий Лесницкий. Посланный жаловался, что по отъезде Хитрово из Переяславля гетман Выговский спокойно отправился в Чигирин, но в это время по наученью Пушкаря Ивашка Донец, бывший в Москве посланцем от Барабаша, собрал несколько сот гультаев, приходил войною на Чигиринский полк и многих людей побил и пограбил, распуская слухи, что нынешней весною по траве будет новая рада на Солонице. Выговский созвал раду в Чигирин и объявил, что оставляет гетманство, видя нестроение в Войске, но полковники насилу уговорили его не покидать булавы и теперь послали его, Лесницкого, бить челом, чтобы великий государь послал приказ Пушкарю отстать от своевольства и быть с гетманом в соединении, да чтоб великий государь послал сделать перепись

между козаками, написать 60000, и вперед бы гулятьям в козаки писаться было не вольно; а теперь от этих гулятьев большой мятеж учинился, потому что всякий называется козаком; также переписать все доходы и реестровым козакам давать жалованье. Таким образом, теперь вследствие образования партий - старшины и черни - сам гетман просит о том, чего при Хмельницком так добивалось польское правительство и чего не хотел исполнить Богдан, ибо гулятьство, исключенное из реестра, поднимало возмущения. С другой стороны, если бы московское правительство исполнило просьбу гетманскую, приняло меры против гулятьства, то этим возбудило бы против себя сильное неудовольствие, чего именно желал Выговский. В Москве, однако, остереглись; боярин Шереметев, бывший в ответе с Лесницким, заметил ему: "Не будет ли бунта, когда многие козаки останутся за реестром?" Лесницкий отвечал: "Надобно послать из Москвы комиссаров знатных людей с войском, чтоб в Войске Запорожском было страшно". Лесницкий пошел дальше: когда ему сказали, что великий государь, по челобитию Выговского, в знатных городах велел быть своим воеводам, то он отвечал: "На премногой милости царского величества гетман и все Войско челом бьют, потому что этим в Войске бунты усмирятся; да хотя бы великий государь и в иных городах изволил воеводам быть, то у них бы в Войске было гораздо лучше и смиреннее; изволил бы великий государь послать в Войско Запорожское своих воевод и ратных людей для искоренения своеволия".

Но в то время, когда Лесницкий так ловко подделывался под желания московские, так ловко старался показать, что интересы царя и гетмана одинаковы, Пушкарь постоянно держал Москву в тревоге своими извещениями. Он писал государю (11 марта и 26 апреля): "Выговский изменил богу и вашему царскому величеству, помирился с Ордою, ляхами и с иными землями и замысел имеет извоевать Запорожье. Выговский дал города по Ворскле Юрию Немиричу-лютеранину, чего Хмельницкий без указа царского не делывал; Выговский держит у себя много сербов, немцев и ляхов. С тех пор как Выговского поставили гетманом без совета всей черни, не держит он при себе ни одного козака, все держит иноземных людей, от которых нам обиды нестерпимые делаться начали. Окольничий Хитрово Выговскому без полевой рады и без всей черни в Переяславле на церковном месте гетманство дал, булаву и все украшение войсковое в руки отдал, а в прошлые годы всегда в Войске Запорожском в поле общию радую гетманов и полковников и иных старшин по любви войсковой избирали". Пушкарь просил, чтобы государь сам приехал в Малороссию, в Киев, с патриархом, с сыном, с ближними боярами и думными дьяками всех подданных своих в Малороссии милостивыми очами рассмотреть. Посланец его Искра объявил, что полковники полтавский, нежинский, миргородский и всего Войска Запорожского городовая и запорожская чернь бьют челом на гетмана Ивана Выговского и на бывшего миргородского полковника Лесницкого, которые великому государю никакого добра не хотят и чаят в них измены; так чтоб великий государь пожаловал, велел Выговского от гетманства отставить, а назначить гетмана

и полковников новых и велел бы им для этого собрать раду. Бояре спросили Искру, какие измены он знает за Выговским? Искра отвечал: "Без указа ссылался с неприятелями царского величества, послов их к себе принимал и отпускал, венгерского Рагоцу хотел посадить на Польское королевство". Бояре говорили: "На Переяславской раде выбрали единогласно Выговского, и никто тогда в измене его не обвинял; Выговский присягал при митрополите и при всем духовенстве; теперь новой рады собирать не для чего, потому что это дело уже вершное". Искра отвечал: "Переяславская рада была не настоящая, были на ней только те полковники, которые с Выговским в одной мысли, а с ними сотников и черни у полковника человек по десяти и меньше". Бояре продолжали: "Что Выговский иностранных послов принимал, в том он повинился, и потому измены от него нет". Искра возражал: "Измена есть: после рады послал Павла Тетерю в Польшу". Бояре отвечали: "Несхожее дело, что гетману, учиня такое крепкое обещание, тотчас же измену задумать! Хотя и послал куда Тетерю, так не для измены же".

Не видя в изветах Пушкаря оснований к обвинению в измене, царь приказывал полтавскому полковнику не затевать смуты, повиноваться гетману. Но пришел извет из Киева, от Бутурлина. Воевода доносил, что 19 мая прислана в Киев грамота о неправдах Выговского, который призвал к себе Орду и, сославшись с ляхами, хочет все православное христианство выдать в неволю; митрополит и все духовенство, киевский полковник Павел Яненко-Хмельницкий, племянник покойного Богдана, мещане и всяких чинов люди, киевские и приезжие, беспрестанно говорят ему, Бутурлину, что Выговский привел Орду, с поляками ссылается, а государевых ратных людей у них в городах нет, и они боятся, чтоб, сошедшись вместе, поляки и татары над ними не сделали чего-нибудь дурного; говорили они ему, воеводе, с большим усердием, со слезами, чтоб великий государь, для обороны христианской, велел прислать поскорее своих бояр и воевод с людьми ратными. Известие это опоздало. Еще в апреле государь был встревожен слухами, что Выговский призывает татар и хочет с ними двинуться против Пушкаря. Немедленно был отправлен в Малороссию Иван Опухтин с приказанием, чтоб гетман не смел самовольно расправляться с своими противниками, не смел приводить татар в Малороссию, а ждал бы царского войска. Опухтин, на жалобы Выговского, вызывался сам ехать к Пушкарю с царской грамотой и уговорить его быть послушным гетману; но Выговский не пустил Опухтина в Полтаву и 4 мая, в присутствии посланника, повторяющего царский запрет, выступил из Чигирина к Полтаве на Пушкаря. На другой день Опухтин пошел в соборную церковь и говорил духовенству, чтобы оно написало от себя гетману, запретило ему ходить с татарами войною на православных христиан, пусть ждет указа великого государя. Но и это не помогло. Вслед за Опухтиным отправлен был из Москвы с таким же запрещением Петр Скуратов, который нашел Выговского уже в обозе под Голтвою. Когда в царской грамоте прочли титул, то гетман сел на постель, пригласил сесть и посланника но тот отвечал, что надобно стоя выслушать

грамоту. "Все у вас высоко", - сказал Выговский, однако дослушал грамоту стоя и потом начал говорить: "Все это ничего, грамотами Пушкаря не унять, взять было его да голову отсечь либо прислать в Войско Запорожское. Я к великому государю писал много раз, чтоб Пушкаря велел смирить до Велика дня, а если не изволит его смирить, и я сам с ним управлюсь; можно было его по сю пору смирить, так бы православные христиане были целы, которых он побил; я терпел, ждал царского указа, а то бы еще зимою Пушкаря смирил мечом да огнем. Я и булавы брать не хотел, хотел жить в покое. Окольничий Богдан Матвеевич Хитрово хотел взять Пушкаря и привезть ко мне, но не только не привез, а еще больше ему повадку сделал, дал ему соболей да отпустил; а к Барабашу нечего писать, Барабаш теперь с Пушкарем. Мы присягали великому государю на том, что прав наших не порушать, а по нашим правам нельзя полковнику и никому давать грамот, кроме гетмана; всем управляет один гетман, а вы сделали всех гетманами, дали Пушкарю и Барабашу грамоты, и от этих грамот бунты начались. Когда мы присягали, в то время Пушкаря не было, все это сделал покойник Богдан Хмельницкий да я, иных статей никто и не знал: не надобно было тогда и начинать этого дела. Пушкарь пишет, что позволено им на четыре года взять на всякого голика по десяти талеров на год, а на сотников больше: как будто завладели мы шестьюдесятью тысячами талеров! Иду на Пушкаря и смирю его огнем и мечом, везде его достану, хотя в царские города уйдет; кто за него станет, тому самому от меня достанется: а государева указа долго ждать. Я перед Пушкарем не виноват, не я начал - он, хочу с ним биться не за гетманство, а за свое здоровье. Дожидаюсь рады: покину булаву и пойду к волохам, или к сербам, или к молдаванам: они мне будут рады. Великий государь нас жаловал, а теперь верит ворам, которые ему, государю, не служили, на степи его людей побивали и казну грабили, тех жалуует, посланцев их принимает, деньги им и соболей дает, а таких бунтовщиков надобно было присылать в Войско Запорожское. Обычай у вас такой, что все делать по своей воле. Первые бунты начались в Войске от посланца царского Ивана Желябужского, который послан был к Рагоци. И при королях польских так же было: как начали вольности наши ломать, так за то и стало".

Выговский говорил также Скуратову: "Многие пристают к Пушкареву совету; у полковников, которые теперь при мне, не много людей, другие идти не хотят, и если бы я не пошел, то все бы пристали к Пушкарю". Действительно, встала сильная рознь: одни были за Выговского, другие - за Пушкаря; Лубны заперлись от полков Выговского, которые должны были силою пробиваться через город, но миргородцы свергнули своего полковника Довгаля и посадили под стражу за преданность делу Пушкаря. Козаки из Голтвы не пошли за Выговским в поход, и гетман велел объявить им, что если не пойдут, то на возвратном пути он всех их перебьет и город сожжет; козаки испугались и выступили в поход. Малороссия делилась уже Днепром: по левую сторону жители всех городов желали, чтобы были у них воеводы государевы, а на правой стороне козаки говорили: "Пушкарь хочет, чтоб быть государевым воеводам, но у нас этого никогда не будет".

Испуганные Ордою, Барабаш и Пушкарь написали Выговскому 14 мая: "Доброго здоровья и всяких радостных потех милости твоей от господ бога желаем. Ведомо учинилось нам, что ты, подняв Орду, хочешь огнем и мечом искоренять города украинские. Бог свидетель, что мы стоим в поле, послышав приход иноземных людей, оберегая свое здоровье. Теперь от его царского величества приехал к нам стольник Алфимов для успокоения, чтоб между народом христианским кровопролития не было, чтоб мы между собою мирно жили и у тебя в послушании были. Мы против царского повеления, что против божия, не можем стоять, полагаемся на государеву волю и просим твою милость, прости нам наше неисправление пред тобою, а вперед, по царскому повелению, мы у тебя всегда в послушании будем, как и другие полковники, только будь милостив и отошли Орду назад в Крым, а царских и заднепровских городов ей не отдавай и в плен христиан не вели брать".

Но Выговский не обратил внимания на это письмо, 17 мая выступил из-под Голтвы и остановился в десяти верстах от Полтавы, где Пушкарь и Барабаш заперлись, выжегши посады. Новый посол царский, Василий Петрович Кикин, хлопотал о примирении; по его письмам и словесным увещаниям Пушкарь договорился было с Выговским помириться за присягою, что гетман не будет мстить ни ему и никому из его товарищей; Выговский дал требуемую присягу перед Кикиным, и Пушкарь собирался ехать вместе с последним в обоз гетманский, но полтавские козаки и запорожцы, пришедшие с Барабашем, не выпустили его из города и запретили мириться с Выговским. Узнав об этом, гетман хотел немедленно двинуться под Полтаву; Кикин удержал его, но не мог удержать Пушкаря, который в ночь на 1 июня вместе с Барабашем и Довгалем напал на гетманский обоз, выбил из него Выговского и все его войско, захватил артиллерию, скарбы гетманские и пожитки козацкие. Кикин едва спасся от смерти, но когда рассвело, Выговский оправился, ударил на врагов и вытеснил их из обоза, причем Пушкарь был убит, а Барабаш с немногими людьми ушел в Полтаву; говорили, что побежденные потеряли на этом бою около 8000 человек, победители - с 1000. На другой день к Выговскому явились из Полтавы игумен, священники, козаки и мещане с повинною; гетман поклялся, что не будет им мстить, но как скоро ворота городские отворились, то козаки его и татары ворвались в Полтаву, стали жечь, грабить, не пощадили и монастыря, а татары начали забирать в плен жителей. "Где ж твоя клятва?" - говорил Кикин Выговскому, и тот сам ездил в Полтаву выбивать козаков и татар, посылал и к начальнику татарского отряда с просьбою освободить пленных полтавцев.

С торжеством возвращался гетман в Чигирин, но на дороге встретил его козак с листом от белоцерковского полковника; сидя на лошади, Выговский распечатал письмо и нахмурился, прочитав недобрые вести: полковник уведомлял, что киевский воевода Андрей Васильевич Бутурлин дал ему знать о прибытии в Киев царского воеводы, назначенного в Белую Церковь. "Воеводы приехали опять бунты заводить", - говорил гетман в

сердце Скуратову: "Пиши, Андрей Васильевич, да сам берегись!" Скуратов возразил: "Не делом ты, гетман, сердисься: сам ты великому государю писал, чтоб быть в черкасских городах воеводам". "Что я к великому государю пишу, - отвечал Выговский, - над тем в Москве смеются; никогда я не писал о том, чтоб в Белой Церкви воеводе быть; как воевода приехал, так и поедет, ничего я ему давать не велю. Государевы воеводы должны приезжать ко мне и уже от меня в города ехать, а то я ничего не ведаю, а они по городам едут. В Киеве государевы люди по сю пору с черкасами беспрестанно киями бьются. Теперь я с самовольниками сам управился, государевы воеводы и ратные люди мне больше не надобны, они только бунты начнут. Который злодей у нас что сделает и уйдет в государевы украинные города, то воеводы его нам не выдают; так и я тех воров, которые прибегут ко мне из государевых городов, отдавать не хочу. С Пушкарем на бою государевы люди были: мои немцы у них и барабан взяли. Государь меня тешил грамотами и по сю пору нарочно мешкал. У короля польского нам было хорошо: придут к нему, скажут о чем надобно, и указ тотчас. Вам надобен такой гетман, чтоб, взявши за хохол, водить". Скуратов отвечал: "Я с тобою вместе на бою был, государевых людей с Пушкарем никого не видал, и ты мне их тогда ни одного не показал; а что взят барабан, и то не барабан, а бубен, да если бы и настоящий барабан был, так что ж из этого? Черкасы в Москву и в украинные города приезжают и покупают что им надобно. Ты говоришь, что хорошо вам было при королях польских: плакать вам надобно, вспомнивши об этом времени, когда благочестивые христиане от злого гонения прилагались к латинской вере, а теперь благочестивая вера множится, и милостию государевою от всех неприятелей вы защищены: так тебе бы таких высоких слов не говорить. О каких делах пишешь ты к великому государю, ответ дается немедленно, а что твои посланцы к тебе приезжают поздно, так они мешкают за своими забавами да и оправдываются тем, что их в Москве задерживают. Надобно тебе самому к великому государю ехать челом ударить: тогда сам государскую милость увидишь. Говоришь, что о государевых воеводах ничего ты не знал; но со мною прислана к тебе царская грамота, велено отписать в города, чтоб воевод приняли честно, что воеводы из Москвы отпущены; ты у меня эту грамоту принял, прочел и ничего тогда не сказал, а теперь, когда воеводы приехали, ты говоришь, что они не надобны. Говоришь, что нам надобен гетман по нашей воле; но ты гетман в Войске Запорожском великому государю многих вернее". Выговский утих и отвечал: "Я великому государю и теперь служу верно, а от воевод бунты начнутся; государевы ратные люди мне были надобны в то время, чтоб в войске было славно, а мне была честь". В это время ехавший за гетманом чигиринец Иван Богун стал кричать: "Нам воеводы не надобны; жен да детей наших переписывать приехали". Обратившись к Скуратову, Богун закричал: "Ты к нам воеводою в Чигирин едешь, нездоров от нас выйдешь!" "Уйми его", - сказал Скуратов гетману; тот велел крикуну замолчать и прибавил: "Не теперешняя эта речь". Однако ту же самую речь на письме отправил Выговский в Москву с Опухтиным: "Все бунты

усмирены, потому войско, присланное с князем Ромодановским, более не нужно и Орда отпущена". Тут же гетман отправил к царю жалобу на боярина Шереметева: "Боярин Василий Борисович Шереметев, приехавши в Киев, с нами не посоветовавшись и не повидавшись, многие новые дела начинает, казны неведомо какой спрашивает и воевод без совета с нами по городам посылает, на что есть ли указ вашего царского величества - не знаем. Челом бьем, чтоб ваше царское величество приказал ему от этого воздержаться; он и в Белой России, делая то же с христианами, козаков вашему царскому величеству в остуду учинил, сам будучи виноват".

В Москве почли за нужное успокоить гетмана насчет воевод, и 26 июля отправился отсюда в Малороссию подьячий Яков Портомоин с такою грамотою: "Писали к нам из литовских городов наши воеводы, что польский король Ян-Казимир послал в Малую Россию прелестные листы, будто боярин Шереметев и окольный князь Ромодановский посланы на тебя, гетмана, и на все Войско Запорожское. Зная твою верную к нам службу, мы не думаем, чтоб ты этим письмам поверил: знатные люди отправлены на своевольников, по твоему челобитью, а не для войны с вами, единоверными православными христианами. Так ты объяви начальным и всяким людям, чтоб они польскими листами не прельщались и сомнения никакого не имели, жили бы под нашею высокою рукою в совете и любви". 9 августа Портомоин приехал в Чигирин и подал гетману царскую грамоту. Выговский отвечал: "Ратные люди Ромодановского людей побивают и всякое разоренье чинят, притом князь Ромодановский своевольников Барабаша да Лукаша и других многих черкас к себе в полк принял. И я, не дожидаясь того, чтоб на меня государевы ратные люди пришли войною, иду за Днепр сам с Войском Запорожским и татарами отыскивать этих своевольников, и если государевы ратные люди станут их защищать или будут какой задор в черкасских городах делать, то я молчать не буду, а к Киеву пошлю брата своего Данила с войском и с татарами, чтоб боярина и воеводу выслать вон, город, который по указу царского величества в Киеве сделан, разорить и разметать, а если воевода не выйдет, то его в Киеве осадить". Портомоин был задержан под стражей, и 11 августа Выговский выступил из Чигирина, но еще не для того, чтобы воевать с государевыми ратными людьми: ему нужно было сперва покончить другое дело...

Еще в конце марта виленский воевода князь Шаховской писал к государю о вестях из Варшавы: "Надежду польский король имеет большую на козаков и на татар, да на прусского; если козаки не будут при короле, то король поневоле будет мириться с тобою, великим государем, а если козаки с королем соединятся, то мира у короля с тобою не будет: большая надежда у короля на козаков да на татар". Но это была еще только надежда: Беневский, хлопотавший еще при Хмельницком о возвращении Малороссии под власть королевскую, хлопотал о том же и при Выговском, но в договорах последнего с ним пока еще не было никаких статей, вредных для Москвы. Выговский в сношениях своих с Беневским, с

королем и вельможами польскими хлопотал только об одном: чтоб сохранен был мир, чтоб польские войска не вступали в Украйну и дали бы ему, гетману, время управиться с внутренним врагом - Пушкарем, которого поддерживало Запорожье и который нашел бы большую поддержку в Москве и во всей черни, если бы Выговский объявил себя за Польшу. Но когда Пушкаря не было более, когда враги были поражены бессилием и ужасом, когда ханский союз был обеспечен, а с Москвой нельзя было более хитрить, потому что поход полтавский был самым дерзким неповиновением воле государя, когда, с другой стороны, явились в Малороссии воеводы, тогда время открытого действия наступило, по мнению Выговского, и 7 июня Беневский известил короля, что поверенный Выговского, львовский мещанин грек Феодосий Томкевич, едет с решительным объявлением верноподданства и что тот же Феодосий отправляется и к королю шведскому с предложением заключить мир с Польшею и с угрозою, что в противном случае Войско Запорожское будет стоять за Польшу.

В последних числах августа съехался Выговский с Беневским в Гадяче, и 6 сентября постановлены были здесь следующие условия, на которых Запорожское Войско опять поддавалось Польше: 1) Вера древняя греческая уравнивается в правах своих с римскою везде, как в Короне Польской, так и в Великом княжестве Литовском. 2) Митрополит киевский и пять архиереев русских будут заседать в Сенате с тем же самым значением, какое имеют прелаты католические; место киевского митрополита будет после львовского римского архиепископа, остальные же владыки будут сидеть после католических бискупов поветов своих. 3) Войска Запорожского будет 60000. 4) Гетману великого княжения русского украинского вечно быть первым киевским воеводою и генералом. 5) Сенаторов в Короне Польской выбирать не только из поляков, но и из русских. 6) Дозволяется в Киеве устроить академию, которая пользуется теми же правами, как и академия краковская, с тем, однако, условием, чтобы в ней никаких расколов арианских, кальвинских, лютеранских учителей и учеников не было и дабы между студентами и прочими учащимися никаких поводов к ссорам не было; все другие школы, какие прежде в Киеве были, король велит перевести в другие места. 7) Король и чины позволяют учредить и другую академию на правах киевской, где найдется для нее приличное место. 8) Коллегии, училища и типографии, сколько их понадобится, вольно будет устраивать, вольно науками заниматься и книги печатать всякие и религиозно-полемические, только без укоризны и без нарушения маестату королевского. 9) Случившееся при Хмельницком предастся вечному забвению. 10) Податей никаких правительство польское получать не будет; обозы коронные не принимаются; обе Украйны находятся только под гетманским управлением. 11) Король будет нобилитовать козаков, которых представит ему гетман. 12) Коронным войскам в Украйне не быть, кроме необходимости, но в таком случае они находятся под командою гетмана, козакам же вольно стоять по всем волостям королевским, духовным и

сенаторским. 13) Гетман имеет право чеканить монету и платить ею жалованье Войску. 14) Во всяких нужных делах Короны Польской призываются на совет козаки; правительство должно стараться, как бы отворить Днепром путь к Черному морю. 15) В войне короля с Москвою козаки могут держать нейтралитет, но в случае нападения московских войск на Украину король обязан защищать ее. 16) Тем, которые держали сторону козаков против Польши, возвращаются отобранные имения, и опять они вписываются в уряд. 17) Гетману не искать других иностранных протекций, кроме польской; он может быть в дружбе с ханом крымским, но не должен признавать над собою власти государя московского, и козаки все должны возвратиться в свои жилища. 18) Король и республика дозволяют русскому гетману суды свои и трибунал устроить и отправлять там, где захочет. 19) Чигиринский повет остается при гетманской булаве по-прежнему. 20) В воеводстве Киевском все уряды и чины сенаторские будут раздаваться единственно шляхте греческой веры, а в воеводствах Брацлавском и Черниговском попеременно с католиками. 21) В русских воеводствах учреждаются печатари, маршалки и подскарбии, и уряды эти будут раздаваться только русским. 22) Титул гетмана будет: гетман русский и первый воеводств Киевского, Брацлавского и Черниговского сенатор.

Выговский получил все, чего только мог желать; приверженцы его, с которыми он устроил польский союз, были также награждены: урожденные, т. е. бывшие прежде шляхтичами, получили земли, нешляхтичи - нобилитованы; нежинский полковник Василий Золотаренко, рыцарь Войска Запорожского, принятый за рыцарские дела в клейнот шляхетства польского, из Золотаренка сделался Злотаревским.

Поддавшись королю, Выговский хотел еще продолжать обманывать царя, чтоб не иметь на плечах московских воевод, пока не пришли в Украину войска польские и хан крымский. В августе он клялся в верности своей к великому государю перед посланником его дьяком Василием Михайловым, и в то же время войска его уже действовали против Киева: 16 августа прибежали сюда из лесов работники, которые были посланы за лесом на острожное и валовое дело, солдаты, драгуны и люди боярские, битые, стреляные и пограбленные, и объявили: "Били нас и грабили черкасы, а стреляли из луков татары, идут под Киев многие люди!" Воевода Шереметев вышел сам с воинскими людьми из города и разослал подъезды: подъезжане встретили полковников: белоцерковского Ивана Кравченка, брацлавского Ивана Сербина, подольского Астафья Гоголя, и как увидели черкасы, что воеводы наготове, то под Киев не пошли, стали в двух верстах от города, за речкою Лыбедью. Шереметев послал спросить полковников: зачем они пришли под Киев безвестно со многими людьми? Для чего с ними татары и для чего их люди государевых ратных людей били и грабили, а иных до смерти побили? Полковники отвечали: "Пришли мы по приказу гетмана Ивана Выговского, татар с нами нет, будет к нам под Киев Данила Выговский, и татары придут с ним; под Киев мы пришли

и Данила придет для договора о всяких делах". После этого пришли еще два полковника - паволоцкий Богун да Саблинский с пехотою, а 23 августа явился и Данила Выговский с татарами и черкасами в числе более 20000. Черкасы отогнали стада у комарицких драгун и начали гонять сторожевые сотни; в то же время Данила Выговский завел сношения с киевским полковником Павлом Яненком, велел на посаде на торгу побивать государевых людей, которые ходили из города для хлебной покупки, и посад зажечь. Шереметев выслал против Выговского своих товарищей, а сам остался оберегать крепость, но, в то время как младшие воеводы бились с Выговским, киевский полковник Павел Яненко с своим полком приступил к городу от посада с Киселева городка. Шереметев выслал на вылазку стрелецкого голову Ивана Зубова с стрельцами и солдатами; Зубов поразил черкас, выбил их из Киселева городка, взял знамя, а младшие воеводы в то же время отбили от валу, от Золотых ворот Выговского, который, соединясь со всеми другими полковниками, стал обозом под Печерским монастырем, а татар поставил подле обоза. На 24-е число в ночь у земляного вала против Печерских ворот начали было черкасы копать шанцы в двух местах, но на рассвете вышли из города младшие воеводы с полковником фон Стаденом, который предводительствовал пехотою, ударили на черкас в шанцах и нанесли им решительное поражение: весь обоз, пушки, знамена, бунчук и печать войсковая достались победителям; много черкас потонуло в Днепре, Данило Выговский ушел в лодке сам-друг, как говорили, раненый. Во время этого боя Яненко из своего обоза с Щековицы приступил к земляному новому валу со всем своим полком, но был сдержан отрядом пехоты под начальством Сафонова, к которому с большого боя поспешил на помощь воевода князь Юрий Борятинский с рейтарами: Яненко был разбит и потерял обоз свой на Щековице, которым овладели стрельцы; много черкас Яненковых перетонуло в Почайне. Со всех этих боев Москве досталось 12 пушек, 48 знамен, три бочки пороху. Пленные козаки сказывали воеводам, что они приходили под Киев по большой неволе, старшины высылали их побоями, клялись, что будут служить верно государю. Что же касается мещан киевских, то задолго еще до прихода Выговского они являлись к воеводам и говорили, что козаки заставляют их делать на Щековице земляной вал, но что они козакам отказали и валу не делали, при этом мещане просили, в случае прихода воинских людей, позволить им перевезтись в город с женами и детьми и со всем имением. Воеводы позволили и потом сами несколько раз напоминали им, чтоб перебрались в город; но когда пришел Выговский, то мещане стали возиться на Днепр в суда; воеводы послали сказать им: для чего они возятся в суда, а не в город? Мещане отвечали: "Возимся по приказу гетмана Ивана Выговского, боимся: если черкасы город возьмут, то мы пропадем". У них было семь пушек, данных им князем Куракиным; теперь, когда подошел неприятель, воеводы требовали эти пушки в город; мещане отвечали, что они отослали их для починки; но когда взят был обоз Яненка, то эти московские пушки очутились здесь.

В сентябре царь рассылал уже грамоты об измене гетмана с обстоятельным изложением всего дела, а Выговский все еще продолжал притворяться: 8 октября он писал государю, что и не помышляет на московские города наступать и присягу ломать: "Бога ради, усмотри, ваше царское величество, чтоб неприятели веры православной не тешились и сил не восприяли, пошли указ свой к боярину Василию Борисовичу Шереметеву, чтоб он больше разорения не чинил и крови не проливал". Вслед за этой другая грамота в таком же роде: "Изволь, ваше царское величество, обратить на нас прежнее милостивое лице, видя, что мы и ныне неотменными вашего царского величества подданными остаемся". Дела шли не так, как бы хотелось русскому гетману и сенатору: на восточной стороне Днепра огромное большинство было за Москву, хотя большая часть старшины была за Выговского, и потому царские воеводы, князя Ромодановский и Куракин, могли держаться, опираясь на верных козаков. В последних числах ноября при Варве верные Москве козаки выбрали себе на время в гетманы Ивана Безпалого, "чтоб дела войсковые не гуляли". Между тем военные действия начались с обеих сторон; города и села запылали, несчастные жители начали испытывать на себе все военные ужасы, сами не зная за что. Поляки не приходили на помощь, и, чтобы остановить присылку новых воевод московских, Выговский отправил к царю белоцерковского полковника Кравченка с повинною; на письмо князя Ромодановского, чтоб распустил войско и не приходил на царские города, Выговский отвечал (14 декабря из табора под Ржищевом): "На царские города приходить я не мыслю, а только своевольников своих ускромляю и ускромлять буду, равно как и союзников их. Мы не для того его царскому величеству присягали, чтоб у своих холопей в неволе быть, чтоб они нас за шею водили, но в надежде на вольность больше прежней, а теперь ты, соединившись с своевольниками, многую и великую в Малороссии ссору учинил". 13 декабря Безпалый писал государю, что враги наступают со всех сторон, а царские воеводы помощи им, верным малороссиянам, не дают. Царь отвечал, что вследствие приезда Кравченка с повинною он назначил раду в Переяславле к 1 февраля, а между тем пусть он, Безпалый, соединившись с князем Ромодановским, промышляет над неприятелем. Неприятель не заставил себя ждать: 16 декабря наказной гетман Выговского, Скоробогатенко, подступил под Ромны, где находился Безпалый, но был отогнан последним, который после этого дела писал царю: "Если ваша пресветлая царская милость с престола своего не подвигнетесь в свою отчину, то между нами, Войском Запорожским, и всем народом христианским покою не будет; Выговский Кравченка на обман послал, и ему бы ни в чем не верить". 20 декабря татары и верные Выговскому козацкие полки - Каневский, Черкасский, Чигиринский и Корсунский - под начальством переяславского полковника Цецуры, наказного гетмана Скоробогатенка и поляка Груши дали бой князю Ромодановскому у Лохвицы, но были отбиты. Между тем Шереметев из Киева писал государю, что Выговский хотел приехать к нему в Киев для переговоров, но что он, воевода, без царского указа не смел пустить его в

город и с малыми людьми. Шереметев прибавлял, что междоусобие в Малороссии может прекратиться только вследствие этих личных переговоров. Царь отвечал ему (21 декабря): "Промышляй всякими людьми, чтоб тебе с гетманом в Киеве видеться и переговорить, какими бы мерами междоусобие успокоить". Но и в Киеве и в Москве напрасно надеялись на это успокоение: Выговский, получив татарскую помощь, не думал более о мирных переговорах; у него было всегда в запасе одно оправдание, что бьется не против царских войск, против своих слушников, Беспалого с товарищами.

Как тяжело отозвалась в Москве весть о смуте малороссийской, об измене Выговского, так радостно была принята она в Польше, ибо это была для нее весть о воскресении. Мы видели, что польские комиссары в Вильне обязались предложить на сейме об избрании Алексея Михайловича в преемники Яну-Казимиру. Предложение было действительно сделано, но епископы тут же протестовали, что они согласятся на избрание царя не иначе как с условием, чтоб он принял католицизм, и Ян-Казимир велел обнаружить этот протест по всему королевству. Находили двадцать одну причину, почему ни царь московский, ни сын его не могли быть избраны в короли польские, и все эти причины сходились преимущественно к одному, что дом австрийский никак не выпустит из рук своих польской короны: войны козацкие в соединении с московскою и шведскою втолкнули поляков поневоле в объятия австрийского дома; король по совету сенаторов еще в сентябре 1655 года предложил императору быть его наследником и обещал согласие всей республики, если только император поможет ей в настоящей беде; император предложил свое посредничество для примирения с Москвою и Швециею, чтоб тем легче в качестве посредника достигнуть своей цели, Австрийцы внушили полякам, чтоб прельстили московского царя надеждою польской короны, чтобы в этой надежде он объявил войну Швеции, и, как только царь вступил с войском в Ливонию, король и сенаторы от имени республики чрез торжественное посольство поднесли императору корону польскую; тот публично отказался, но частным образом принял корону для сына своего Карла-Иосифа; король польский в 1657 году объявил королю шведскому, что отказывается от титула шведского и уступает Швеции всю Ливонию; Польше легче помириться с Швециею и поднять ее против Москвы, потому что король шведский не стремится быть королем польским; между Австриею и Польшею идут совещания, как вести дело с царем, чтоб заставить его продолжать войну с Швециею, пока Польша с нею не уладится; литовцы, по соседству с Москвою, из страха льстят царю, но поляки никак его не хотят; они думают, что самое лучшее средство успокоить австрийцев состоит в том, чтоб папа поручился императору за верность польского наследства для его дома под страхом отлучения; в противном случае, объявил, что сеймовое постановление о царе московском нисколько не предосудительно праву австрийскому. Если Австрия будет довольна этим тайным соглашением и ручательством папы, то поляки думают, что им можно будет вести переговоры с царем насчет

короны и постановление, сделанное в случае необходимости, уничтожить властью первосвященника римского; австрийцы уже давно поджигают Порту и татар против Москвы, чтоб таким образом сдержать царя, а себе проложить дорогу к польской короне.

Но в Москве не знали всех этих причин, и царь продолжал хлопотать о польском престоле или по крайней мере о соединении Литвы с Москвою. В начале 1657 года он отправил в Литву любимца своего Матвеева следить за тамошними делами. Матвееву было наказано: в случае если произойдет разрыв между Польшею и Литвою, хлопотать, чтоб литовские войска перешли под высокую руку великого государя и присягнули ему. Матвеев писал, что литовского войска при гетмане Гонсевском немного, оно твердо стоит на том, чтоб по смерти Яна-Казимира быть королем царю, и ждет сейма, но коронное войско рознится: иные хотят к цесарю, другие - к Рагоци, третьи не хотят с княжеством Литовским разлучиться; писал, что сейма нечего скоро ждать по причине войны у поляков со шведами. Государь приказывал ему разыскать, чрез каких панов всего скорее можно добиться до благоприятного ему решения на сейме. Матвеев отвечал, что всего скорее можно получить желаемое чрез надворного маршалка Любомирского и познанского воеводу Лещинского: роды их многолюдные и начальных людей роду их много; только они государству государя своего вперед не прочат, нет того, чтоб поболеть о государстве, а просят прежде всего чести и подарков больших. Рагоци сулил им по сту тысяч червонных; гетман Гонсевский потребовал точно такой же суммы у царя. "Сперва присягни с начальными людьми и со всем Войском, - отвечал ему Матвеев, - тогда государь вас и пожалует от своей казны; сам помысли: если ты такие большие деньги возьмешь и присягу дашь один, то всякий человек смертен, а теперь время не спокойное от неприятелей; ты беспрестанно в службах, убьют тебя или в плен возьмут - кто тогда эти деньги заслужит великому государю?" "Я готов присягнуть великому государю, - говорил Гонсевский, - готов присягнуть, что буду стараться о провозглашении его наследником короля Яна-Казимира; а теперь начать государю служить никак нельзя, чтоб не испортить дела, постановленного на съезде. Если же государь даст мне деньги, то я стану призывать начальных людей и Войско тайно и присягу дам за всех". Потом Гонсевский говорил о необходимости соединения церквей, Матвеев отвечал, что когда государь будет королем, то созовет духовенство греческое и римское и других многих вер, и *если* духовные особы на то склонятся волею, а не нуждою, чтоб быть съезду, и *если* тогда великий государь изволит сослаться с цесарем и с папою, то пошлет; но чтоб не было никакого сомнения насчет веры и церквей, то великий государь уже велел послать свои грамоты во все покорившиеся ему литовские города, что права их, религия и вольности ни в чем нарушены не будут. "Хорошо так, - сказал на это Гонсевский, - но вот в чем дело: как был на Короне Польской король Сигизмунд III, верою католик, то было у него 172 сенатора, все разных вер, только двое было католиков, и в сорок лет все стали католиками, не нуждою, а вот чем: никому не давал он ни воеводства, ни каштелянства до тех пор, пока не

приступят к католической вере". Гонсевский говорил также, чтоб все правительственные места в Литве постоянно оставались за литовцами, а не были раздаваемы москвичам. Матвеев отвечал: "Великий государь обычной воли в неволю не приводит; литовская шляхта служит ему в разных строях, и над нею начальные люди их же братья шляхта, а не московские урядники".

В феврале отправился из Москвы к королю стряпчий Иевлев и 22 апреля нашел короля в городке Данкове. В ответе паны начали упреком: "Было уговорено, что царскому величеству на общего неприятеля шведского короля войною ходить и людей своих посылать; а теперь против шведов русских людей никого нет; швед с Рагоци и козаками Хмельницкого польскую землю пленят; королевскому величеству становится тесно, ожидает войска цесарского, а если цесарь не умилосердится, войска не пришет, то мы будем в великом разорении". Иевлев отвечал: "По договору царское величество ждал долго от короля гонца, и по сие время ведома никакого не было: так царское величество и поусумнился. На шведских и лифляндских рубежах у царского величества стояли многие рати всю зиму, а теперь царское величество пойдет сам на шведского короля. На съезде в Вильне договорились и записями укрепились, что великого государя выбирать на королевство, для чего сложить сейм в декабре или январе месяце, а перед сеймом дать знать великому государю через гонца; царское величество ждал долгое время, полномочные послы на сейм уже были назначены, и замедление это царскому величеству учинилось в великое подивлень". Паны извинялись, что сейма нельзя было созвать так скоро за военными делами, и объявили, что сейм будет созван в Бресте 28 мая. Иевлев заметил, что и в мае сейм не состоится, потому что остается один месяц, а король до сих пор находится в дальних местах, на границе цесарской. Паны отвечали: "Король видел и сам, что сейму на тот срок не бывать, что же делать? Со всех сторон неприятели, ты сам видел, сам насилу проехал. Царское величество сомневается, а у короля иной мысли нет и не будет, и у нас слова наши и договор не переменятся". Иевлев продолжал: "Писал государю гетман Хмельницкий, что поляки задор учинили, малороссийский город Налюз истребили, в Пинском уезде монастыри попалили". Паны отвечали: "Такого города Налюза во всей Малороссии нет, а наших польских людей задор поневоле: никто не хочет быть убитым до смерти, а козаки Хмельницкого секут нас и жгут вопреки договору, умысел их явен: Хмельницкий присягнул Рагоце и войско свое к нему прислал".

Тем и кончились объяснения. Иевлев представлялся и королеве, и, когда ехал от нее, пристав говорил ему: "Королева старается о дружбе царского величества с королем так, что и в ум не вмещается такое раденье: как был сеймик в Ченстохове об окончании доброго дела между королевским и царским величествами, и на этом сеймике канцлер коронный разрывал и мешал, то королева сама к канцлеру и к другим ездила и уговаривала их не мешать делу". Король в особой записке давал знать царю, чтоб он не верил

ни в чем ни французам, ни англичанам; о том же давала знать королева царице и прибавляла, что когда царевич Алексей придет в возраст, то она, королева, будет стараться женить его на дочери покойного императора Фердинанда III.

И 28 мая сейма не было; в июле отправлен был к королю другой посланник, стольник Алфимов, который в сентябре нашел Яна-Казимира в Варшаве. В ответе паны начали тем, что виленский договор нарушен со стороны царя, потому что подданный его гетман Хмельницкий вместе с Рагоци воюет польскую землю. Алфимов отвечал, что к Хмельницкому послан указ отозвать свои войска от Рагоци и козаки отозваны; но Хмельницкий бьет челом великому государю, что с королевской стороны чинятся явные неправды, султана и хана на Войско Запорожское поляки подговаривали и обещали им все украинские города, начиная от Каменца-Подольского. Когда козаки по царскому приказу от Рагоци отступили, то отступили от него и шведы, и молдаване, и волохи; поляки этим воспользовались и, соединясь с татарами, Рагоци побили; а если б козаки по царскому приказу от Рагоци не отступили, то не отступили бы от них и шведы с молдаванами и волохами; этим от царского величества королю и Короне Польской сделано вспоможенье немалое. Паны указывали на другое нарушение договора: русские не воюют больше с шведами. Алфимов отвечал: "Шведские генералы, которые сперва были в Польше, теперь стоят против царского войска на своих границах, и если б они не были задержаны царскими воеводами, то теперь разоряли бы польские города; следовательно, Короне Польской от царского величества чинится вспоможенье немалое". На замечание Алфимова, что начатое дело по виленскому договору надобно кончить немедленно, был известный ответ, что до сих пор неприятели мешали, но теперь неприятели отступили и открылась возможность созвать сейм, о котором дано будет знать великому государю.

Прошел 1657 год - сейма все не было. В марте 1658 года явился гонец королевский с известием, что сейм назначен на 27 июня. В мае месяце из Москвы отправились в Вильну великие и полномочные послы - бояре князь Никита Иванович Одоевский, Петр Васильевич Шереметев, князь Федор Федорович Волконский и думный дьяк Алмаз Иванов - для нового съезда с польскими комиссарами. Но прежде всего они должны были выслушивать жалобы от жителей литовских городов и уездов, занятых русскими войсками. Минская шляхта просила их оборонить от дальнейших наездов, охранить от своевольных людей. Гродненская шляхта била челом на воеводу Апрелева, который из соборной церкви взял образ богородицы, потир и ризы и не хочет отдать, несмотря на просьбу шляхты, что делается вопреки вольностям, от царя пожалованным. Великие послы отправили к Апрелеву грамоту, чтобы немедленно возвратил в церковь образ, потир и ризы и ничем не нарушал вольностей обывательских. Потом началась переписка с польскими комиссарами, которыми были назначены бискуп виленский Ян Завиша и гетманы Павел Сапега и Гонсевский. Еще не зная о

назначении комиссаров, великие послы отправили к гетману Павлу Сапеге Дениса Астафьева, который нашел его в имении подле Бреста. Поговорив о комиссарах и где им стоять, Астафьев спросил Сапегу: "Слухом пронеслось, будто послан к великому государю в Москву Адам Сакович: от вас ли, гетманов литовских, он послан, и знаешь ли ты, от кого он послан и с чем?" Сапега долго сидел молча, потом начал говорить: "Послан он от нас, с моего повеленья, послал его Гонсевский с тем: если наши не успеют сделать на сейме по-своему, осият нас коронные, поставят на том, что прежде мириться с шведом, тогда делать нечего, переменить нельзя". Астафьев сказал на это: "Слух у нас такой есть, что с вами коронные не тянут и рознь у вас началась". Сапега отвечал: "За грех наш у всех у нас рознь, прежде всего скажу тебе: король с нами идет неправдою, а все водит его королева, от нее у нас и вся смута, а с коронными у нас рознь оттого: они себе покою хотят, а нам не помогают. Послы пришли из многих государств, королева поехала обо всем с ними договариваться, а мы ничего об этом не знаем, где быть тут добру? Нам жаль коронных, а коронным жаль нас, сам знаешь, как не жалеть? смешались мы с ними верою и поженились - они у нас, а мы у них, и маетностями помешались". "Если, однако, будет не мера, - говорил Астафьев, - то как смекаете: отступитесь от них или нет?" Гетман опять долго сидел молча, потом сказал: "Как кто хочет, а я не отступлю". *Астафьев*: "У нас такой слух носится, что Сакович с тем и к великому государю пошел, что хотят отступить от короны". *Сапега*: "Как себе хотят, послали мы Саковича, и, что я ему приказывал, от тех слов не отопрусь и по смерти и никого не осрамлю; я не такой человек; по-моему, что говорить, то и делать, а чего не делать, того нечего и говорить; а сверх того, свой разум в голове имеете, сами рассуждайте; больше тебе ничего не скажу; с чем Сакович послан, о том знают у нас в Литве человек с десять сенаторов; сам знаешь, то дело великое и страшное, что при живом государе другого ищем. Пожалует ли Саковича великий государь, велит ли его принять за его баламутство? да и канцлер литовский Пац такой же баламут; я думаю, не худо ли Саковичу в Москве будет?" *Астафьев*: "Если с таким великим делом идет и с правдою, а не шалберством, то государь велит его принять и отпустить с честью; если же идет с такою правдою, как я от тебя теперь слышу, то не знаю!.. Мы слышали так, что вы впрямь от короны отступили и с тем Саковича послали к государю". *Гетман*: "Нет, от короны мы не отступим, разве по неволе, по нужде большой: тогда станем промышлять о себе. Я не такой человек, от своих слов не отпираюсь, да и того не хочу, чтоб от моего лукавства кровь христианская пролилась и мне бы пришлось на том свете ответ отдавать богу; лучше истрачу все последнее свое панство да меньше ответа богу отдам. Стал я на всей своей правде и умереть хочу; все у себя утратил, с кручины надсадился, не слышу на себе головы, сердце все изныло; а другие как себе хотят, так и живут". Сакович, приехавший от гетманов в Москву, объявил, что гетманы и все посольство Великого княжества Литовского по короле Яне-Казимире венгерского и французского королей выбирать не хотят, хотят договор учинить по

виленской комиссии, чтоб выбрать на Корону Польскую и на Великое княжество Литовское великого государя царя. Пусть царское величество прикажет своим полномочным послам с гетманом об этом договориться, и на чем договор учинят и письмом укрепятся, с этим гетманы поедут на сейм к королю; и как они приедут на сейм и если король и Корона Польская по этому их договору сделать не захотят, то они, гетманы, и все посольство литовское королю в подданстве откажут и с Короною Польскою в соединении не будут, а учинятся в подданстве у великого государя по своему договору. А без этого объявления королю и Короне Польской перейти в подданство к царскому величеству им нельзя. При этом переходе Волынь, Подолия и Подлясье должны быть при Литве. Царским полномочным послам с гетманами на договоре говорить, чтоб Орду татарскую каким-нибудь способом на время успокоить. Чтоб курфюрст бранденбургский и князь курляндский были с царским величеством и с Великим княжеством Литовским в соединении, а с шведами и поляками не соединялись бы. Запорожских черкас утвердить, чтоб они от царского величества никуда не отошли и были бы с Литвою в соединении. Чтоб царское величество изволил гетманов и все посольство литовское держать в подданстве по их вольностям и правам, как другие государи государства держат, вольностей их и прав не нарушают. Пусть царское величество гетмана Гонсевского обнадежит, что по смерти Павла Сапеги великим гетманом быть ему, Гонсевскому, а малую булаву (гетманство польное) пожаловал бы великий государь тому, о ком он, гетман, побьет челом. Наконец, Гонсевский просил себе у царя 100000 червонных, города Могилева и несколько городов в Ливонии. Царь в своей грамоте отвечал гетманам, чтоб они съехались с великими послами и договорились о доброначатом деле немедленно, а он их всех, сенаторов и всю Речь Посполитую, хочет содержать в милостивом жалованье, в верах и вольностях по правам. Но гетманы не съезжались.

По государеву наказу Одоевскому с товарищами велено было дожидаться польских комиссаров не далее 30 июля. Срок этот прошел, а комиссары не бывали, к тому же стали приходить слухи, что в Польше моровое поветрие. Тогда Одоевский 6 августа выехал из Вильны в Москву. Но в самый этот день пригнали гонцы с вестию, что комиссары едут к Вильне. Одоевский не возвратился, а велел сказать им, что царские послы жили в Вильне без дела семь недель, время съезда миновало по их комиссарской проволочке, так чтоб они уже к Вильне не ездили. Комиссары приехали к Вильне, не были впущены и возвратились назад, крича о бесчестье. Одоевский с товарищами уже были в Минске, когда пришла к нему царская грамота с приказанием возвратиться в Вильну и пригласить туда опять комиссаров для доброго дела. Одоевский возвратился и послал звать комиссаров; они обещались приехать, но проволакивали время, а между тем гродненский воевода Апрелев дал знать Одоевскому в сентябре, что гетман Павел Сапега идет под города великого государя и что литовские ратные люди уже начали государевых людей бить, грабить и в полон брать. Гродненского повета шляхта и мужики все взбунтовались, а комиссары

отпущены под Вильну для того, чтоб великий государь изволил отдать польскому королю все литовские города; тогда и мир будет, а если государь городов не отдаст, то сейчас же начнется война, для чего гетман Сапега и идет. Вслед за этим другое известие, что Запорожское Войско поддалось королю, а тут шляхта Ошмянского повета прислала челобитную, что черкасы наказного чаусовского полковника Мурашки в маетностях их людей и крестьян вконец разоряют. Переговоры уполномоченных должны были уяснить дело. Они съехались 16 сентября; московские послы начали дело требованием всей Литвы за бесчестье, нанесенное великому государю проволокою дела после первого виленского съезда. Комиссары отвечали: "Если б мы знали, что с вашей стороны будет такое требование, то мы бы и на съезд не поехали, говорить мы об этом не будем и поедем назад без дела; а если царскому величеству Литовское великое княжество надобно, то у него ратные люди готовы, и у королевского величества ратные люди есть же, Литву надобно добывать кровью, а не посольством". Комиссары объявили, что имеют полномочие относительно двух статей - избрания государя в короли и заключения вечного мира. Переговоры об этих статьях отложили до 18-го числа. В этот съезд комиссары прежде всего подняли вопрос о шведах, с которыми по прежнему договору одному государству без другого мириться было нельзя. "Слух до нас дошел, - сказали комиссары, - что царские послы договариваются о мире со шведами под Нарвою; так прежде всего вы должны укрепиться с нами насчет этого дела, иначе мы вам не объявим своих статей об избрании вашего государя в короли: мы для того и соединяемся с вами и права свои давние нарушаем, чтоб над общим неприятелем промысл вместе учинить и к такому миру его привести, чтоб обеим сторонам было прибыльно". Послы отвечали, что у великого государя с шведским королем мира нет; если же идут сношения, то у польского короля такие сношения начались еще прежде, и что у них, послов, нет наказа относительно шведского дела. После многих споров комиссары оставили шведское дело и приступили к условиям об избрании. Послы никак не соглашались, чтоб уния, *грубая* богу всемогущему, продолжала существовать. Далее комиссары объявили, что необходимым условием избрания царя в короли должно быть восстановление Поляновского договора: "Со стороны королевского величества царскому величеству и так уступлено много, что мы, стародавние свои права поломавши, при жизни королевской государя вашего в короли выбрали не по нужде какой-нибудь, но по доброй воле, желая такого преславного, великого, храброго и мужественного государя, отыскивая того, что потеряно, стараясь о целости государства своего и о прекращении кровопролития; царскому величеству будет вечная слава, что мы сделали это мимо стародавних своих прав, для соединения обоих народов, сами все головами и с именем своим великому государю в подданство отдались; за такое великое дело вы должны нам и своего уступить, не только что наше назад отдать. Если же царское величество завоеванных городов и земель отдать не изволит, то нам и бог поможет, и если мы что отыщем войною, то вам будет стыдно".

Весь сентябрь прошел в бесполезных съездах и спорах. Московские уполномоченные из завоеванного в Литве уступали по реку Березу; комиссары не соглашались, а между тем послы с разных сторон получали известия о неприязненных действиях литовских войск: оба гетмана - Сапега и Гонсевский - придвигались к Вильне, ратные люди их хватали и били русских, залегли все пути, на Ошмянской дороге под Медниками осадили отряд драгунов, отправлявшихся в полки князя Юрия Долгорукого. 9 октября на съезде послы потребовали у комиссаров, чтоб все эти зацепки были прекращены и драгуны выпущены из осады. Комиссары отвечали дерзко: "По нашему прошенью гетман Павел Сапега драгунов из осады освободит, велит их отпустить к Москве, а не в полки, а что при них оружия, зелья и свинцу, то все у них велит взять". Послы отвечали на это с большим шумом: "С князем Юрием Алексеевичем Долгоруким ратных людей много, будут драгуны выручены и без гетманского отпуска; кровопролитие начинается от вашего несходства, а нашему великому государю по его правде бог поможет". Этим съезд кончился, и послы дали знать Долгорукому, чтоб он божиим и государевым делом промышлял по указу; 19-го числа выехали они из Вильны и в дороге узнали, что польские и литовские люди Сапегина полку, присяжная шляхта и черкасы по дороге от Вильны к Минску, около Минска и до Борисова заезжают занятые царскими войсками места; из Минска получили они весть, что этот город с 1 октября осажден черкасами, которые пишутся королевскими подданными; шляхта минская и других поветов, в числе 1000 человек, стоит в минском посаде; черкасы приезжают к ней каждый день и говорят, чтоб Минск взять; мещане минские в город в осаду не пошли и разъехались все в польские города. Но князь Юрий Алексеевич Долгорукий поправил дело: чтоб не допустить до соединения неприятельские силы, со всех сторон скопляющиеся, он решился 8 октября напасть на Гонсевского в селе Варке (Werki). Гонсевский, узнав о приближении Москвы, поспешил предупредить нападение, и сначала конница его имела успех, замешала, обратила в бегство ряды московские, но тут Долгорукий ввел в дело два пехотных стрелецких полка; литва не выдержала и побежала, оставив в руках победителей своего гетмана. Другой гетман, Павел Сапега, остался цел благодаря местничеству: двинувшись против неприятелей, Долгорукий послал к уполномоченным - Одоевскому с товарищами, чтоб отправили к нему на помощь бывших с ними ратных людей, но сотенные головы, князь Федор Борятинский и двое Плещеевых, объявили, что им идти на помощь к князю Долгорукому невместно. После разрядный дьяк объявил им на постельном крыльце: "Тут мест нет, всегда большой воевода меньшему помогает; вашу измену гетмана Павла Сапегу упустили". Виновные посланы были головою на двор к Долгорукому. Но и сам Долгорукий рассердил государя, отступив от Вильны без указа, не дал знать в Москву и о победе своей. 17 ноября государь отправил к нему любопытную грамоту: "Похваляем тебя без вести и жаловать обещаемся; а что ты без нашего указа пошел, и то ты учинил себе великое бесчестье, потому что и хотим с

милостивым словом послать и с иною нашею государевою милостию, да нельзя послать: отписки от тебя нет, неведомо против чего писать тебе! А бесчестье ты себе учинил такое: теперь тебя один стольник встретит подле Москвы, а если б ты без указа не пошел, то к тебе и третий стольник был бы. Другое то: поляки опять займут дороги от Вильны и людей взбунтуют. Напрасно ты послушал худых людей; видишь ты сам, что разве ныне у тебя много друзей стало, а прежде мало было, кроме бога и нас, грешных; людей ратных для тебя сам я собирал, и если б не жалел тебя, то и Спасова образа с тобою не отпускал бы: и ты за мою, просто молвить, милостивую любовь ни одной строки не писывал ни о чем, писал к друзьям своим, а те, ей-ей! про тебя же переговаривают да смеются, как ты торопишься, как и иное делаешь; а я к тебе никогда немилостив не бывал и вперед от меня к тебе, бог весть, какому злу бывать ли, а чаю, что князь Никита Иванович (Одоевский) тебя подбил, и его было слушать напрасно, ведаешь сам, какой он промышленник, слушаешь, как про него поют на Москве. А ты хотя бы и пошел, но пехоту солдатскую оставил бы в Вильне да полк рейтар, да посулил бы рейтарам хотя по сороку рублей человеку; а теперь, чаю, и сам размышляешь, что сделалось без конца. Князь Никите показалось, что мы вас и позабыли, да и людей не стало, и выручить вас нечем и некому. Тебе бы о сей грамоте не печалиться, любя тебя пишу, а не кручинясь, а сверх того, сын твой скажет, какая немилость моя к тебе и к нему. И тебе бы отписать ко мне наскоро, коим обычаем ты пошел, и чего ради, и чего чая вперед, будет чая миру нынешней зимою, то по делу; а будет не чая миру и Сапегу покинул в собранье на виленской стороне, и то сделалось добре худо. Помысли сам себе: по какому указу пошел? какая тебе честь будет, как возьмут Ковну или Гродню? Как и помыслить, что, пришедши в Смоленск без нашего указа, писать об указе! Князь Никита не пособит, как Вильню сбредут и по дорогам пуще старого залого поставят, и швед близко, а Нечая и без князь Никиты Сергей Чудотворец дважды побил, а на весну с поляками втрое нынешнего пуще будет делываться и боем биться. Жаль, конечно, тебя: впрямь бог хотел тобою всякое дело в совершение не во многие дни привести и совершенную честь на веки неподвижно учинить, да сам ты от себя потерял; теперь тебе и скорбно, а как пообмыслишься гораздо, и ты и сам о себе потужишь и узнаешь, что не ладно сделалось. А мы и ныне за твою усердную веру к богу, а к нам верную службу всяким милостивым жалованьем жаловать тебя хотим; а как бы ты без нашего указа из Вильны не ходил, а ратным бы людям на прокорм по своему рассмотрению роздал шляхетские маетности, и после такого великого побою изволил бы господь бог мир совершить вскоре, и ты б наипаче нашею, великого государя, милостию за два такие великие дела - се за бой, се за мир был бы пожалован. А прочтя сию нашу грамоту и запечатав, прислать ее к нам с тем же, кто к тебе с нею приедет".

Несчастье Гонсевского и победа князя Ивана Андреевича Хованского над литвою при Мядзелах охолодили поляков, разгоряченных подданством Выговского, возмечтавших, что с этим подданством успех войны перейдет на их сторону, возвратятся к ним все потерянные силы. Но с другой

стороны, взятие в плен гетмана литовского не возгордило Москвы: здесь очень хорошо понимали всю опасность, начавшую грозить от измены гетмана Войска Запорожского; а главное, казна была истощена пятилетней войною, ратные люди кормились на счет занятых земель, и, как они кормились, мы видели из жалоб Ордина-Нащокина, который все более и более приобретал привязанность и доверие царя сколько умными советами, распорядительностию, столько же и религиозностию, так нравившеюся Алексею Михайловичу. Весною 1658 года, жалуюя его в думные дворяне, государь прислал ему такую грамоту: "Пожаловали мы тебя за твои к нам многие службы и раденье, что ты, помня бога и его св. заповеди, алчных кормишь, жадных поишь, нагих одеваешь, странных в кровы вводишь, больных посещаешь, в темницы приходишь, еще и ноги умываешь и наше крестное целованье исполняешь, нам служишь, о наших делах радеешь мужественно и храбро и до ратных людей ласков, а ворах не спускаешь и против шведского короля славных городов стоишь с нашими людьми смелым сердцем". Нащокин не переставал повторять прежнее. "Теперь, - писал он в начале 1659 года, - теперь из Царевичева-Димитриева города надобно в три места посылать помощь, оборонять от злого мучения, надобно оборонить Чадосы от осады литовских людей, которые пришли мстить за разоренье шляхты брянславской; рейтары мучат людей в Икажне и Брянславе, а донские козаки пустошат Друю с волостями; отовсюду просят помощи, обливаются кровавыми слезами: лучше бы я на себе раны видел, только бы невинные люди такой крови не терпели! Лучше бы согласился я быть в заточении необратном, только бы не жить здесь и не видать над людьми таких злых бед!" Тщетно посылал Нащокин приказы рейтарам и донским козакам, чтоб выступали против неприятеля: они не трогались, "отяжелев награбленными пожитками, которые нахватили у людей, присягнувших царю". Глядя широким взглядом на дела, предтеча преобразователя требовал нового, европейского образа ведения войны, для которого в Москве не было еще ни средств, ни понимания. "Не стыдно, - писал Нащокин, - навязать доброму от стороны, и от врагов своих свидетельство крепче принимаем: во всех государствах над войсками гетманы или генералиссимусы на границах бывают даже и не в военное время, а когда воина, то и подавно с войском стоят на границах, рати к ним идут и указы от них получают, а не они от кого-нибудь указов просят; от этого дело скорее делается; где глаза видят и ухо слышит, тут бы и промысл держать неотложно. Надобно знающим полководцам быть по рубежу, рати держать в строеньи и от крови сдерживать, чтоб миру место было, а не разрушение, не все войну вести". Нащокин требовал полного преобразования войска, замены старинной дворянской конницы даточными конными и пешими людьми.

Но для этих преобразований надобен был Петр; царь Алексей видел отсутствие средств к войне, не имел возможности создать их, не умел, подобно сыну своему, собственным неутомимым движением возбуждать всюду коснеющие силы и спешил прекратить войну в Литве и Белоруссии, чтоб обратить все усилия на юг, в Малороссию. Польша, обманутая в своих

надеждах, также хотела приостановить военные действия, и вот в одно и то же время, в январе 1659 года, московский посланник ехал в Польшу, а польский гонец - в Москву. Король в грамоте своей жаловался на Долгорукого, что тот разорвал перемирие, напавши и взявши в плен Гонсевского, который пришел только в качестве комиссара для мирных переговоров и имел при себе несколько сот конницы; жаловался на уполномоченных царских, что разорвали комиссию; предлагал третью комиссию и требовал освобождения Гонсевского как комиссара, без которого нельзя вести переговоров. Царь с своей стороны жаловался королю на польских комиссаров и на Гонсевского, но также прибавлял, что согласен на мир, для заключения которого пусть король присылает уполномоченных в Москву. Король продолжал предлагать, чтоб комиссия, разорванная под Вильною, была возобновлена опять в Вильне же, или в Минске, или в Орше, чтоб во время комиссии военные действия были задержаны и Гонсевский освобожден; царь отвечал: "Когда король пришлет своих великих послов в Москву, тогда мы велим присоединить к ним и Гонсевского, и когда доброе дело сделается, то он вместе с послами и будет отпущен; что же касается до прекращения военных действий, то мы уже велели прекратить их на все то время, когда ваши великие послы будут в Москве". Понятно, что с польской стороны это была одна проволочка времени: хотели выждать, чем решится дело в Малороссии.

Здесь упорная борьба продолжалась под Лохвицею, где стояли царские воеводы, князья Ромодановский и Куракин, и под Ромнами, где стоял Безпалый. Народ смотрел с отвращением на эту войну, говорили: "Войну начали старшие, и если б царские ратные люди где-нибудь старшину нашу осадили, то мы бы ее всю, перевязавши, царскому величеству выдали; а теперь мы слушаемся своих старших поневоле, боясь всякого разорения и смертного убийства". Старшие поневоле выбивали козаков в полки, грозя: кто в полки не поедет, у того жен и детей поберут и отдадут татарам. Пошло в ход слово *изменник*; так величали старшие козаков, которые не хотели сражаться против царских войск.

В феврале 1659 года Безпалый дал знать в Москву, что из Новой Чернухи приходили под Лохвицу Скоробогатенко и Немирич с ляхами и татарами, в числе 30000, к городу приступали трижды, но были отбиты. Сам Выговский под Лохвицу не приходил, стоял в Чернухах, а потом пошел к Миргороду и 4 февраля явился под этим городом. Находившиеся здесь московские драгуны укрепили осаду в малом городе, а миргородцы все присягнули служить государю и ратных людей не выдавать. Но 7 февраля по прелестным письмам от Выговского и по наговору протопопа Филиппа Степан Довгаль, бывший здесь снова полковником, выехал из города к Выговскому, миргородцы зашатались и сдались; московских драгунов Выговский ограбил и отослал в Лохвицу, а сам двинулся в Полтавский полк. На все просьбы Безпалого о помощи был один ответ из Москвы, что идет в Малороссию боярин князь Алексей Никитич Трубецкой.

Трубецкой действительно выступил из Москвы 15 января с войском, простирившимся, как говорят, до 150000; 30-го числа боярин стоял уже в Севске. Но на многочисленное войско в Москве не надеялись, хотели во что бы то ни стало оторвать Выговского от Польши, ибо только этим можно было добиться счастливого окончания дел с последнею. 7 февраля в трапезе у дворцовой церкви св. Евдокии государь слушал важные статьи, а комнатные бояре слушали их в комнатах; эти бояре были: Борис Иванович Морозов, князь Яков Куденетович Черкасский, князь Никита Иванович Одоевский, Илья Данилович Милославский, Иван Андреевич Милославский. Статьи были отправлены к Трубецкому; в них предписывалось воеводе войти в сношения с Выговским и предложить ему начать доброе дело таким способом: ратных людей с обеих сторон развесть без крови и татар вывести. Когда гетман будет с ним на съезде, то всякими мерами его уговаривать и государевою милостию обнадеживать. Если Выговский покажет статьи польского короля, где ему написано гетманство и воеводство Киевское, полковникам и другим начальным людям шляхетство, вольности шляхетские и маенности в Малороссии, то написать договор, примериваясь к этим статьям и смотря по тамошнему делу, если между этими статьями не будет самых высоких и затейных, которые не к чести государеву имени. Если Выговского любят и гетманом его на будущее время иметь хотят, то ему гетманом по-прежнему быть. Если станет просить воеводства Киевского, быть по его прошению. Если на отца своего, на братью и на друзей станет просить каштелянства и староств, быть по его прошению. Станет просить на гетманскую булаву города в прибавку - согласиться. Если станет говорить, чтоб в Киеве и других городах государевым воеводам и ратным людям не быть, а боярина Шереметева с людьми ратными из Киева вывести, то боярина вывести, согласиться и на вывод ратных людей, если будет требовать этого упорно. Если станет говорить о своевольниках, чтобы их усмирить, то отвечать: "И так много крови христианской пролилось нынешним вашим междоусобием, с обеих сторон православные христиане побиты и разорены, а бусурманы были рады; надобно с своевольниками помириться без кровопролития, а я, по указу великого государя, стану их к миру склонять; а если вперед затеют бунты, то их смирать, но татар не приводить".

Но дело не дошло до переговоров. 28 февраля Трубецкой выступил из Севска и 10 марта пришел в Путивль; 26 марта выступил из Путивля, направляясь на местечко Константинов на Суле, стягивая к себе и московских воевод из Лохвицы, и Безпалого из Ромен. 10 апреля Трубецкой вышел из Константинова к Конотопу, где заперся приверженец Выговского, полковник Гуляницкий. 19 апреля Трубецкой подошел к Конотопу и безуспешно осаждал этот город до 27 июня, когда явился туда Выговский вместе с ханом крымским. Оставивши всех татар и половину козаков своих в закрытом месте за речкою Сосновкою, с другою половиною козаков Выговский подкрался под Конотоп, на рассвете ударил на осаждающих, перебил у них много людей, отогнал лошадей и начал

отступать. Воеводы, думая, что неприятельского войска только и есть, отрядили для его преследования князя Семена Романовича Пожарского и князя Семена Петровича Львова с конницею. 28 июня Пожарский нагнал черкас, поразил и погнался за отступавшими, все более и более удаляясь от Конотопа; тщетно языки показывали, что впереди много неприятельского войска, и остальная половина козаков, и целая орда с ханом и калгою: передовой воевода ничего не слушал и шел вперед. "Давайте мне ханишку! - кричал он. - Давайте калгу! всех их с войском, таких-то и таких-то... вырубим и выпленим". Но только что успел он перегнать Выговского за болотную речку Сосновку и сам перебрался за нее со всем отрядом, как выступили многочисленные толпы татар и козаков и разгромили совершенно Москву. Пожарский и Львов попались в плен; Пожарского привели к хану, который начал выговаривать ему за его дерзость и презрение сил татарских, но Пожарский был одинаков и на поле битвы и в плену: выбрав хана по *московскому обычаю*, он плюнул ему в глаза, и тот велел тотчас же отрубить ему голову. Так рассказывает малороссийский летописец, но московский толмач Фролов, бывший очевидцем умерщвления Пожарского, рассказывал, что хан велел убить Пожарского за то, что этот самый воевода в прошлых годах приходил войною под Азов на крымских царевичей. Князь Львов был оставлен в живых, но недели через две умер от болезни.

Цвет московской конницы, совершившей счастливые походы 54-го и 55-го годов, сгиб в один день; пленных досталось победителям тысяч пять; несчастных вывели на открытое место и резали как баранов: так уговорились между собою союзники - хан крымский и гетман Войска Запорожского! Никогда после того царь московский не был уже в состоянии вывести в поле такого сильного ополчения. В печальном платье вышел Алексей Михайлович к народу, и ужас напал на Москву. Удар был тем тяжелее, чем неожиданнее; последовал он за такими блестящими успехами! Еще недавно Долгорукий привел в Москву пленного гетмана литовского, недавно слышались радостные разговоры о торжестве Хованского, а теперь Трубецкой, на которого было больше всех надежды, "муж благоговейный и изящный, в воинстве счастливый и недругам страшный", сгубил такое громадное войско! После взятия стольких городов, после взятия столицы литовской царствующий град затрепетал за собственную безопасность: в августе по государеву указу люди всех чинов спешили на земляные работы для укрепления Москвы. Сам царь с боярами часто присутствовал при работах; окрестные жители с семействами, пожитками наполняли Москву, и шел слух, что государь уезжает за Волгу, за Ярославль.

Разгромивши отряд Пожарского, хан и Выговский двинулись к Конотопу, чтоб ударить на Трубецкого, но боярин уже отступил от города и благодаря многочисленной артиллерии успел без большого вреда от напорающего неприятеля перевести свое войско в Путивль, куда прибыл 10 июля; Выговский и хан не преследовали его далее реки Семи и отправились под

Ромн, жители которого сдались им; Выговский поклялся выпустить бывший здесь московский гарнизон и, несмотря на клятву, отправил его к польскому королю. Из-под Ромна союзники пошли под Гадяч. Здесь татары, расположившись станом в поле, спокойно смотрели, как черкасы Выговского резались с своими братьями, жителями Гадяча, на приступе. Осаждающие должны были отступить, потеряв больше тысячи человек. Тут пришла весть к хану, что молодой Юрий Хмельницкий с запорожцами ходил под Крым, погромил четыре ногайских улуса и взял много пленных. Хан и Выговский немедленно послали сказать ему, чтоб отпустил пленных в Крым, но Хмельницкий отвечал: "Если хан отпустит из Крыма прежний полон козацкий, то и мы отпустим татар; если же хан пойдет на государевы города войною, то и мы опять пойдём на крымские улусы". Пошумев за это с Выговским, хан отделился от него, пошел на Сумы, Хотмыл, Карпов, Ливны, городов не тронул, но выжег уезды и направил путь домой.

Между тем Трубецкой из Путивля писал Выговскому, чтоб тот прислал к нему добрых людей для переговоров о прекращении кровопролития. Выговский отвечал (1 августа), все еще называя себя гетманом его царского величества: "Знаете вы и сами хорошо, что мы нынешнему междоусобию и кровопролитию между христианами ни малейшей не дали причины и не только самому его царскому величеству, но и вам не однажды писали, чтоб в совете пребывали; так и теперь, видит бог, нестроения не желаем и бога просим, чтоб он сердца непримирительные к братолюбию возвратил, и пусть кровь христианская падет на голову того, кто желал и желает ее пролития. Согласно желанию вашему, из войска нашего людей добрых двоих, троих или четверых для разговора о всяких добрых делах пошлем, только бы им какой-нибудь неправды не было, и сам с вами сойдуся, чтоб иметь частые сношения. А что вы пишете, что под Конотоп приходили не для войны, а для разговора и усмирения домашнего междоусобия, то какая ваша правда? Кто видал, чтоб с такими великими ратями и с таким великим нарядом на разговор приходили? В Конотопе никакого своеволия и междоусобия не было: зачем было к нему приступать? Вы на искоренение наше со многими людьми пришли, Борзну вырубали и людей в полон забрали, в чем оправдываться не можете, ибо тамошние люди не только вам никакой причины к нападению не давали, но и ратям вашим не противились, а если бы оборонялись, то не скоро бы вы их взяли". В заключение Выговский писал, что не пришлет своих посланцев в Путивль, но пусть Трубецкой присылает своих в Батулин.

Видя, что Выговский особенно страшен в союзе с ханом, в Москве стали думать, как бы разорвать этот союз. Но прозорливый Ордин-Нащокин писал царю: "Вашему царскому величеству угодно, чтоб хана крымского с Выговским какими-нибудь письмами поссорить, чтоб они, побранясь между собою, разошлись; но таких людей, которые бы умели это сделать, у вашего царского величества нет, не учились: которые дела и по наказу делаются, и те не скоро в совершение приходят. Хана крымского от Выговского можно оторвать только одним: послать людей на Дон, только

не так, как был на Дону думный дворянин Ждан Васильевич Кондырев: кроме письменных людей было при нем множество вольных на Дону, а прибыли тебе, великому государю, ничего не сделали, и вольные и письменные все померли от голоду". В Крыму начали опять грабить русских послов, которые успевали только спасать царские указы, пряча их в ветчине! Во время похода ханского под Конотоп послов держали в тюрьме, в оковах, и говорили им: "Государь ваш запорожскими черкасами хочет завладеть; польский король также хотел ими завладеть, но и свое королевство потом потерял: то же будет и Московскому государству, будет запустошено из-за козаков". Татары хвастались конотопским делом. "Теперь, - говорили они, - московские люди полевым боем с нами биться не станут", но в то же время не скрывали и своего страха перед усилившимся могуществом Москвы. "Ваш государь, - говорили они послам, - хочет завладеть козаками и поляками, а потом и Крымом", требовали, чтобы царь помирился с королем, удержав за собою все завоевания, но отдав Малороссию Польше. Тщетно послы московские предлагали большие деньги вельможам, если они убедят хана не помогать полякам и Выговскому, вельможи отвечали: "Не думайте, что мы сдадимся на деньги; все помрем, а над Московским государством и над черкасами всячески станем промышлять". Но и донские козаки также промышляли: во время Конотопского похода суда их явились у крымских берегов; донцы высаживались под Кафою, Балаклавою, Керчью, углубляясь внутрь полуострова верст на 50, взяли пленных тысячи с две, освободили своих полтора ста; на турецкой стороне были в окрестностях Синопа, у Константинова острова и города Кондры, за сутки пути от Царя-города; в степях залегали дороги, прерывали сношения хана с калмыками, отрезывали татарские отряды, шедшие к Выговскому.

В Москве напрасно очень беспокоились. Конотопское дело было явлением случайным, не могшим иметь никаких важных последствий.

Хан, который один давал силу Выговскому, ушел в Крым, оставивши в Малороссии только 15000 человек орды; войско, которое могла дать Выговскому Польша, было ничтожно: каких-нибудь 1500 человек! И тщетно ждал он подкреплений от короля. Выговский возвратился в Чигирин, не могши взять на дороге Гадяча; из Чигирина он выслал было козаков западной стороны и татар под начальством брата своего Данила, но это войско 22 августа было поражено наголову московскими войсками, вышедшими из Киева. В каком состоянии находилась в это время Малороссия, лучше всего видно из донесения королю Яну-Казимиру обозного коронного Андрея Потоцкого, начальствовавшего вспомогательным польским отрядом при Выговском: "Не изволь ваша королевская милость ожидать для себя ничего доброго от здешнего края! Все здешние жители (т. е. жители западной стороны Днепра) скоро будут московскими, ибо перетянет их к себе Заднепровье (восточная сторона), а они того и хотят и только ищут случая, чтоб благовиднее достигнуть желаемого. Они послали к Шереметеву копию привилегий вашей

королевской милости, спрашивая: согласится ли царь заключить с ними такие же условия? Одно местечко воюет против другого, сын грабит отца, отец - сына. Страшное представляется здесь Вавилонское столпотворение! Благоразумнейшие из старшин козацких молят бога, чтоб кто-нибудь - или ваша королевская милость, или царь - взял их в крепкие руки и не допускал грубую чернь до такого своеволия".

Восточная сторона перетянула. Здесь, как скоро Выговский удалился с татарами в Чигирин, переяславский полковник Тимофей Цецура объявил себя за Москву, перебил тех немногих, которые были за Выговского, и дал знать об этом в Путивль князю Трубецкому. 30 августа киевский воевода Шереметев писал государю, что полковники - переяславский, нежинский, черниговский, киевский и лубенский - добились челом и присягнули. На западной стороне Днепра, слышав о движениях Цецуры, козаки начали собираться и рассуждать, оставаться ли им в подданстве королевском или бить челом государю московскому. Выговский находился в самом печальном положении; многие из близких людей советовали ему пуститься в степи и уйти к хану. Андрей Потоцкий понял, какая беда начнет грозить Польше, если еще турки вмешаются в борьбу за Украину, и уговорил Выговского переехать из Чигирина к нему в обоз, расположенный на Гребенках, недалеко от Белой Церкви. Скоро все козаки отстали от Выговского, собрались около молодого Юрия Хмельницкого, в числе десяти тысяч человек, и стали на Германовке. Брат Выговского, Данила, женатый на родной сестре Юрия, Елене Богдановне, соединился также с шурином своим. Шереметев писал Хмельницкому, чтоб он отступил от изменников и соединился с верными козаками восточной стороны; 5 сентября Хмельницкий отвечал, что он и все Войско Запорожское хочет служить великому государю. И сентября была у козаков рада: Иван Выговский приехал к ним, показывал и читал гадяцкие условия, подтвержденные уже на сейме, уговаривал козаков оставаться под королевскою рукою, но вследствие этих уговоров едва успел убежать в польский стан; козаки кричали, что у короля в подданстве быть не хотят, хотят быть под государевою рукою. 13 сентября Хмельницкий с своим войском двинулся на Расаву для соединения с стоявшими там полками - Чигиринским, Уманьским и Черкасским; Иван Выговский и Потоцкий следовали за ним; козаки говорили, что на Расаве будет большая рада, где изберут в гетманы Юрия Хмельницкого, а Выговского убьют. В двадцатых числах Потоцкий с Выговским остановились под Хвостовом, а Хмельницкий на Взенье, близ Белой Церкви, и козаки прислали к Потоцкому с просьбою, чтоб уговорить Выговского сложить булаву на раде. Потоцкий отправил козацких посланников с бранью, но вслед за ними приехали к Выговскому каневский полковник Лизогуб и миргородский Грицко Лесницкий с требованием, чтоб он через них переслал Войску булаву и бунчук, просили о том же и Потоцкого, утверждая, что Войско хочет остаться верным королю. После продолжительных переговоров Выговский наконец объявил Потоцкому, что для сохранения мира готов отдать бунчук и булаву, но с тем условием, чтоб Войско Запорожское

оставалось верным королю. Лизогуб и Лесницкий дали слово, что это условие будет выполнено, и он отправил булаву и бунчук с братом своим Данилою. Лизогуб, Лесницкий и Данила встретили Войско на дороге, потому что оно двинулось уже к польскому стану, чтоб страхом принудить Потоцкого оставить Выговского. Когда бунчук и булава, присланные последним, внесены были в раду, то Войско тотчас отдало их Хмельницкому, громко желая ему счастливого гетманства.

Между тем 5 сентября Трубецкой выступил из Путивля в черкасские города, и везде в этих городах принимали его с торжеством; полковники и посполство при пушечной стрельбе присягали на верную службу великому государю. 27 числа подошел Трубецкой к Переяславлю: полковник Тимофей Цецура со всем полком встретил его за пять верст от города; протопоп Григорий, священники со крестами, мещане, войт, бурмистры, радцы, лавники и вся чернь - за городом. Пошли в церковь, отпели молебен; после молебна Трубецкой объявил переяславцам милость великого государя, что пожаловал, велел им быть под своею высокою рукою по-прежнему, прав и вольностей их нарушать не велел, а что были они от него отступны, и он вины им отдал: так они бы, видя премногую милость, великому государю служили верно. Переяславцы били челом и обещали быть под рукою великого государя навеки неотступно. Тут раздалась стрельба из всего наряду, что только было в Переяславле.

На другой день боярин отправил грамоту к Юрию Хмельницкому, чтобы он, помня милость царскую к отцу своему и к себе, служил великому государю верно, привел в подданство заднепровские полки; послана увещательная грамота за Днепр ко всей старшине и черни с обнадеживанием, что они останутся при прежних своих правах и вольностях. 1 октября приехали в Переяславль от Хмельницкого и всех полковников полковник Петр Дорошенко и изо всех полков сотники с листами и объявили боярину, что гетман и все Войско рады быть в подданстве у великого государя при прежних правах и вольностях. Боярин обнадежил их государевою милостью, дал им жалованье и отпустил с приказом, чтоб гетман, обозный и полковники для дел государевых ехали к нему в Переяславль без опасения, а если опасаются, то пусть оставят в залог отправляющегося вместе с Дорошенко посланца Владыкина. Но Владыкин возвратился с тремя полковниками и привез ответ, чтоб сам боярин ехал за Днепр к Терехтемировскому монастырю. Трубецкой отказал; тогда полковники потребовали, чтоб боярин по крайней мере отправил к ним в Войско товарищей своих, а если не отправит, то Хмельницкий с полковниками в Переяславль не поедут. Тут же полковники подали боярину четырнадцать статей, на которых быть им в царском подданстве; в статьях говорилось, чтоб, кроме Киева, воевод не посылать ни в какие города и чтоб московские войска, которые будут присылаться на помощь, находились под гетманским начальством. Царское величество не принимает из Войска Запорожского никаких листов без ведома гетманского и всей старшины, без подписи руки гетманской и приложения

печати войсковой. Гетман должен быть один для всех полков по обеим сторонам Днепра. Чтоб избрание гетмана было вольное как для старших, так и для меньших, чтоб, кроме войсковых людей, никого при избрании не было; по избрании отправляются к царскому величеству послы за подтверждением, в котором не может быть отказа. Всех иностранных послов вольно принимать, отсылая только списки с привезенных ими грамот к царскому величеству. Чтоб при заключении мира с окольными землями, а особенно с ляхами, татарами и шведами, были комиссары от Войска Запорожского с вольными голосами. Духовенство малороссийское остается под властью константинопольского патриарха; избрание духовных властей по-прежнему остается вольное. Вольно каждому основывать школы и монастыри.

5 октября Трубецкой послал опять Владыкина к Хмельницкому и полковникам, чтоб ехали в Переяславль безо всякого опасения, если же не согласятся, то объявить, что к ним в Войско для приводе к присяге приедет товарищ Трубецкого окольный Андрей Васильевич Бутурлин, Хмельницкий согласился приехать только под последним условием, и 9-го числа в одно время Бутурлин приехал на западную сторону Днепра, а Хмельницкий - на восточную; с ним были обозный Тимофей Носач, войсковой судья Иван Кравченко, есаул Иван Ковалевский да полковники: черкасский Андрей Одинец, каневский Иван Лизогуб, корсунский Яков Петренко, прилуцкий Петр Дорошенко, кальницкий Иван Серко, потом из каждого полка сотники и козаки. За городом гетмана встретили две сотни жильцов да три роты рейтар; в городе по улице, по которой ехал гетман, стояли стрельцы и солдаты с ружьями, знаменами и барабанами. 10-го числа Хмельницкий со всею старшиною был у Трубецкого, который встретил его словами: "Известно великому государю, что ты ему служишь и ни к каким прелестям не приставал; за твою службу великий государь тебя жалует, милостиво похваляет, и тебе бы и вперед служить верно, как служил отец твой гетман Богдан Хмельницкий". Хмельницкий бил челом; за ним ударили челом старшины, чтоб государь велел вины им отдать, отлучились они от него поневоле, принудил их изменник Ивашка Выговский. Боярин отвечал, что государь вины им отдал и велел в Переяславле созвать раду, выбрать гетмана, кто им надобен, и постановить статьи.

К половине октября приехали в Переяславль боярин Василий Борисович Шереметев, окольный князь Григорий Григорьевич Ромодановский, наказной гетман Безпальный, съехались все полковники, вся старшина и вся чернь восточной стороны Днепра, и 15-го числа Трубецкой, призвавши Хмельницкого и старшин, показал им свою верюшую грамоту и прочел статьи, старые, Богдановские, и новые. Хмельницкий и старшина отвечали, что статьи надобно прочесть на раде при всем Войске. Но у Трубецкого была одна важная статья, которую он сейчас же и объявил: государь указал в Новгороде-Северском, Чернигове, Стародубе и Почепе быть своим воеводам, потому что эти города исстари принадлежат к Московскому

государству, а не к Малой России, а если в этих городах устроены козаки землями и в другом месте устроить их будет негде, то пусть они на своих землях остаются и при воеводах. Хмельницкий и старшина отвечали: "В этих городах устроено много козаков и за ними много земли и всяких угодий; Новгородок-Северский, Стародуб и Почеп приписаны к Нежинскому полку, а в Чернигове свой полк, и если из этих городов козаков вывести, то им будет домовное и всякое разоренье, права и вольности их будут нарушены, а великий государь велел нам быть на прежних наших правах и вольностях, и если козаков переводить, то надобно опасаться между ними всякой шатости". Старшина била челом, чтоб об этом на раде не говорить, иначе нечего ждать прекращения междоусобия.

17 октября открылась эта рада на поле за городом; тут же, на поле, для обереганья стоял с московским войском окольный князь Петр Алексеевич Долгорукий. Теперь уже обеими сторонами Днепра выбран был в гетманы Юрий Хмельницкий. Читали статьи, прежние, Богдановские, и новые; новые говорили: гетман со всем войском всегда должен быть готов на царскую службу. Никакими ляцкими прелестями не прельщаться, про Московское государство никаким ссорам не верить, ссорщиков казнить смертью, о всяких ссорных делах писать к великому государю. Без государева приказа на войну никуда не ходить и никому не помогать, чтоб этим вспоможением Войско Запорожское не умалялось, а кто пойдет самовольством, того казнить смертью. Быть царским воеводам с войсками в городах: Переяславле, Нежине, Чернигове, Браславле, Умани - для обороны от неприятелей; воеводам этим в войсковые права и вольности не вступаться; в Переяславле и Нежине быть воеводам на своих запасах, в Киеве, Чернигове и Браславле владеть маетностями, которые прежде принадлежали тем воеводствам, а в полковничьи поборы воеводам не вступаться; государевым ратным людям у реестровых козаков на дворах не ставиться, ставиться им у других жителей, также подвод под посланников и гонцов у реестровых козаков не брать, брать у городских и деревенских жителей; реестровым козакам держать вино, пиво и мед, продавать вино бочкою куда кто захочет, а пиво и мед вольно продавать гарнцем, кто же будет вино продавать в кварталы, тех карать. В городах, местах, местечках белорусских залогам козацким не быть, чтоб ссоры между ратными людьми не было. Если гетман совершит какое-нибудь преступление, то Войско не может его переменить без указа царского: государь велит сыскать о гетманской вине всем Войском и по сыску велит указ учинить, как повелось в Войске; также и гетману без рады и без совету всей черни в полковники и в иные начальные люди никого не выбирать, выбирать полковников на раде, кого меж себя излюбят из своих полков, а из иных не выбирать; гетман также имеет право отставлять полковников без рады. В начальные люди, кроме православных христиан, из иноверцев не выбирать, не выбирать и новокрещенов, потому что от них большая смута в Войске и междоусобие и козакам делаются налоги и тесноты. Изменника Ивашки Выговского жену и детей, также брата Данила и других

Выговских, которые есть в Войске, отдать царскому величеству и впредь в Войске Запорожском Выговским не быть. Советникам Выговского: Гришке Гуляницкому, Гришке Лесницкому, Самошке Богданову, Антошке Жданову, Герману и Лободе - никогда в раде войсковой и секретной и в уряде никаком не быть. При гетмане быть с обеих сторон Днепра по судье, по есаулу, по писарю. Полковников и начальных людей гетман не может казнить смертью без присланного на суд от царского величества, ибо Выговский напрасно казнил смертью многих полковников, начальных людей и козаков, которые служили верно царскому величеству. Пленников с обеих сторон освободить, а кто захочет остаться, тех не неволить. Немедленно отослать в Киев знамена, пушки и большую верховую пушку, которые взяты под Конотопом. Из Старого Быхова вывести черкас. Беглых крестьян выдать и вперед не принимать. По выслушании каждой из этих статей рада постановляла: быть статье так, как написана, а прежние 14 статей, которые были присланы Хмельницким и старшиною с Дорошенком, на раде отговорены.

По окончании рады гетман, старшина и козаки заднепровских полков отправились в соборную церковь и принесли присягу; из церкви при громе городских пушек пошли обедать к боярину, который после государевой чаши велел стрелять из всего наряда, что ни есть в полках; статьи, утвержденные на раде, записаны в книгу, к которой гетман и старшина приложили руки. Неграмотными оказались: обозный Носач, судьи - Безпалый (что был наказным гетманом), Кравченко, есаулы - Ковалевский и Чеботков, полковники - черкасский Одинец, каневский Лизогуб, корсунский Петренко, переяславский Цецура, калницкий Серко, миргородский Павел Апостол, лубенский Засадка, прилуцкий Терещенко, нежинский Золотаренко. Вместо тех полковников, которые не были на раде, потому что стояли на границе против татар и ляхов, приложил руку гетман Хмельницкий. Это были: чигиринский Кирилла Андреев, белоцерковский Иван Кравченко, киевский Василий Бутримов, уманьский Михайла Хоненко, brasлавский Михайла Зеленский, паволоцкий Иван Богун, подольский Астафий Гоголь. Один экземпляр статей отослан был в Киев: там их напечатали и разослали по всем полкам. 21 октября выехал из Переяславля гетман, 26-го - князь Трубецкой, везя с собою Выговских: Данилу, Василия, Юрия и Илью; Данила умер по дороге, остальные были сосланы в Сибирь. Кончил свое поприще и Нечай: 4 декабря ночью воеводы князь Иван Лобанов-Ростовский и Семен Змеев взяли приступом Старый Быхов, Ивана Нечая с братом, Самушку Выговского, жен их, шляхту, козаков и мещан многих взяли в плен живых, многих побили на приступе. За счастливое окончание малороссийских дел князь Алексей Никитич Трубецкой получил шубу в 360 рублей, кубок в 10 гривенок, 200 рублей придачи к прежнему окладу да прародительскую вотчину город Трубчевск (Трубецк) с уездом; князь Федор Федорович Куракин - шубу в 330 рублей, кубок в 8 гривенок, придачи к окладу 160 рублей да на вотчину 8000 ефимков; князь Григорий Григорьевич Ромодановский - шубу в 150

рублей, кубок в 6 гривенок, придачи к окладу 80 рублей да на вотчину 6000 ефимков.

В Москву дошло любопытное сочинение под заглавием: "Описание пути от Львова до Москвы", в котором после описания страшного опустошения Украины, заставившего козаков снова поддаться царю, говорится: "Хотя черкасы исповедуют веру православную, но обычаи и нравы звериные имеют; причиною тому одна ересь, не духовная, а политическая; начальники этой ереси - ляхи, а от них научились держать ее крепко и черкасы и мало не все европейские народы: взяли себе в голову, что жить под преславным царством Русским хуже турецкого мучительства и египетской работы. Такое дьявольское убеждение внушают им духовные и греческие митрополиты, как нам не от одного из них случалось слышать. Мы почли за полезное написать книгу против таких ложных, дьявольских внушений, да соблюдутся люди от такого страшного заблуждения и хулы, от которых произошло нынешнее кровопролитие. Но о книгах будет речь впереди, а теперь изложим кратко наше рассуждение: как надобно обходиться с черкасами?" Тут автор учит, какую речь должен держать к черкасам боярин, который будет приводить их к новой присяге царю, потом советует царю учредить в Москве особый приказ, в котором бы приказные люди были из самих черкас; эти черкасы были бы поручиками за своих земляков, дома оставшихся. "Надобно, чтоб с этих пор ни один гетман не выбирался на всю жизнь, а только на три или на два года; чрез это и вам, служилые люди, которые только и знаете, что вопить: вольность, вольность! умножится вольность, потому что не одному только будет доставаться гетманская честь, но многим, так как между вами много есть достойных этой чести; чрез это у волостных и городских людей отнимется страх и вскоре пустые села и города населятся. Самому царскому величеству не стыдно назваться вечным гетманом поднепровским, волынским и подольским, потому что такое гетманство то же, что и великое княжество, если не царство. Смотрите, черкасы! как прежде вы были постоянно несогласны в своих советах, между собою бились, так и теперь несогласны: одни из вас хотят в гетманы Хмельницкого, другие Безпалого, и опять готовы из-за этого драться; чтоб предупредить междоусобие, царское величество Хмельницкому обещает гетманство по времени, когда совершенно возмужает, а теперь, пока еще молод, лучше ему поехать в Москву и послужить царскому величеству, чтоб сделаться достойным гетманской чести, а Безпалого царское величество поставляет гетманом на три года за его верность. Не дурно было бы также, если б гетманство разделилось, чтоб один гетман был на восточной, а другой на западной стороне Днепра".

Принужденный возобновить войну с Польшей при невыгодных условиях, не забирать города белорусские и литовские, как прежде, но биться в Малороссии с малороссийским гетманом, царь тем более спешил покончить войну с Швециею, с которой не за что было более ссориться, ибо нечем стало делиться. С своей стороны Карл X, которого дела шли

дурно в Польше и который должен был еще вести войну с Даниею, искренно желал помириться с царем и побуждал к посредничеству курфюрста бранденбургского и герцога курляндского. Мы видели, что при начале войны с ним шведские послы Густав Белке с товарищами были задержаны в Москве. В конце 1657 года король прислал к ним грамоту, выражая свое сильное желание помириться с царем, с которым, по его убеждению, рассорили его австрийцы, и для облегчения дела приказывал Белке объявить боярам, что он соглашается титуловать царя белорусским, литовским, волынским и подольским, хотя и не водится вносить в титул названия областей, приобретенных оружием, но еще не утвержденных мирным договором. Что же касается титула: "и иным многим государствам, восточным, и западным, и северным, отчичь и дедичь и наследник", то хотя эти выражения странны и неопределенны, невразумительны и темны и можно их толковать так, что царь обнаруживает притязания на те земли, которые уступлены Швеции по Столбовскому договору, однако мы, пишет король, согласны величать царя и этим титулом, если он даст письменное удостоверение, что этими выражениями не наносится ущерба нам и землям нашим. Послы исполнили королевское приказание, что не было неожиданностию для царя, ибо королевская грамота была отдана послам уже после того, как она была переведена для государя. 11 апреля 1658 года, на праздник светлого Христова воскресения, великий государь пожаловал шведских послов, велел послать к ним с своим милостивым словом, спросить о здоровье и указал послать им свое жалование - стол. Через несколько дней после этого приехал в Москву шведский дворянин Конрад фон Барнер, и 19 апреля думный дьяк Алмаз Иванов имел переговоры с послами, которые объявили, что фон Барнер приехал со всяким добрым делом, которое годно на обе стороны обоим великим государям, и хотя королю их посчастливилось, с датским королем помирился по своей воле, однако он от доброго дела неотступен и мира с царским величеством желает. "Королевское величество, - продолжали послы, - изволил присоединить к нам еще двоих товарищей, ревельского коменданта Бентгорна и Ягана Монсона, и наказал нам вести переговоры на границе в Ливонской земле, за пять верст от Нарвы. Королевское величество лучше желает мира с царским величеством, чем с королем польским, потому что между Швециею и Москвою нынешняя война началась с подущения злых людей, за малыми причинами; вот почему граф Магнус Делагарди, посланный в Пруссию для заключения мира с поляками, проволочивает время, дожидаясь известия о том, как идут дела в Москве". "Объявите, - сказал на это дьяк, - на каких статьях королевское величество желает мира?" "Обо всех статьях договор будет на рубеже, - отвечали послы, - и великий бы государь изволил нас отпустить из Москвы для этого дела". "По всему видно, - возражал дьяк, - что вы промышляете только о том, чтоб вам отсюда высвободиться, а учините ли между государями доброе дело или нет, того неведомо". "За нами дело не остановится, - отвечали послы, - изволит ли царское величество нас отпустить или нет, только видит бог, что мы ради между государями доброе дело вести, а начинать

нам теперь переговоры до освобождения нельзя, нигде не водится, чтоб невольные люди вели мирные переговоры". 25 апреля послам объявлено, что государь отпускает их к королевскому величеству и посылает на съезд своих великих послов. Белке просил, чтоб государь велел объявить, кто именно царские послы будут на съезде, где и когда съедутся. Просил, чтоб неприятельские действия были прекращены и объявлено было свободное сообщение между жителями обоих государств, просил займы денег на 12000 ефимков, которые он отдаст на съезде московским послам, а теперь у них денег нет, покупки искупить не на что; просил перевести их на другой двор в город и возвратить оружие: это будет знаком, что они уже люди свободные. Определено, что съезд будет под Нарвою за пять верст, за рекою, июня 12; где будет посольский съезд, туда с обеих сторон будет вольно приезжать с хлебом и живностью; деньги займы дадутся с порукою торговых иноземцев, и на другой двор их переведут. Не видя в ответе ничего о прекращении военных действий, послы обратились с предложением заключить перемирие; бояре согласились заключить перемирие с 20 мая, и если мир не состоится, то перемирия не нарушать еще месяц по разъезде уполномоченных. 29 апреля послов перевели в Китай-город, отдали им оружие и позволили им и людям их ходить с стрельцами по городу для закупок. 30 апреля бояре в ответе объявили послам, что государь отпускает на съезд боярина князя Ивана Семеновича Прозоровского, думного дворянина Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина, стольника Прончищева и дьяков Дохтурова и Юрьева; определили, что съезд будет среди реки Наровы на мосту в шатре. Бояре дали запись, что царский титул: "восточных, северных и западных" - не имеет никакого отношения к владениям шведского короля; а послы в свою очередь дали запись, что запись боярская не имеет никакого отношения к тем уступкам, которые могут быть сделаны на съезде с шведской стороны в московскую.

Ордин-Нащокин находился по-прежнему в Царевичеве-Дмитриеве городе, когда узнал о своем назначении вторым уполномоченным на съезде с шведами; так как в грамоте, к нему присланной, не было означено, именно где будет съезд, то он писал государю, что всего лучше съезжаться между Царевичевым-Дмитриевым городом и Ригою, именно между Нелевардом и Керхолом, на реке Угре, за двадцать верст от Риги. Он боялся уехать под Нарву на съезд и оставить в Царевичевом-Дмитриеве городе войска без своего надзора, боялся за крестьян, которые бы в таком случае были разорены ратными людьми. "Крестьяне, - писал он, - с ноября 1656 года по декабрь 1657-го собрались в девятнадцати уездах, селятся в самых разоренных местах, около большой дороги, и если вперед их так же беречь, то на шведов от них помощь будет большая; если лифляндские мужики, видя милость, обдержатся, то и к солдатскому ученью будут охотны. Не боясь сильных, которые меня ненавидят, издавеча, как мытарь сокрушенным сердцем, как евангельская жена-грешница, твои, великого государя, праведные ноги слезами обливаю: во всех делах службишки мои только объявлялись, а к совершению не допускались злыми ненавистями".

У сильных было все больше и больше причин преследовать худородного Нащокина злыми ненавистями. Так и теперь царь послал тайно грамоту к царевиче-дмитриевскому воеводе, поручая ему одному вести самые важные переговоры, подкупать шведских уполномоченных, чтоб всякими средствами добыть заветные морские пристанища: отец указывал на то самое место, где после сын основал столицу Российской империи. "Промышляй всякими мерами, - писал царь Нащокину, - чтоб у шведов выговорить в нашу сторону в *Канцах* (Ниеншанц) и под Ругодивом корабельные пристани и от тех пристаней для проезда к Кореле на реке Неве город Орешек да на реке Двине город Кукейнос, что теперь Царевичев-Дмитриев, и иные места, которые пристойны; а шведским комиссарам или генералам и иным, кому доведется, сули от одного себя ефимками или соболями на десять, пятнадцать или двадцать тысяч рублей; об уступке городов за эту дачу промышляй по своему рассмотрению один, смотря по тамошнему делу, как тебя бог наставит, а что у тебя станет делаться втайне, пиши к нам в приказ наших тайных дел". Ободренный царскою милостивою грамотою, Нащокин начал настаивать, чтоб съезд был в Лифляндии, прямо писал к Прозоровскому, чтоб тот ехал туда, а что ему, Нащокину, нельзя отступить ни на минуту от Двины. Писал и к царю, что шведы в Риге только и дожидаются его отъезда под Нарву, чтоб начать неприятельские действия: "Царевичевым-Дмитриевым городом больше всех городов сдерживаются литва и шведы, только надобно, чтоб он был наполнен ратными людьми, как Псков, а то мне к литовским людям на заставы посылать некого; так нельзя ни войне, ни миру быть; лучше всякой силы промысл: швед всех соседних государей безлюднее, а промыслом над всеми берет верх; у него, государь, никто не смеет отнять воли у промышленников".

Представления Нащокина насчет съездов остались напрасны: приговора, утвержденного в Москве с обеих сторон, переменить было нельзя, и Нащокину был прислан подтвердительный указ - ехать к боярину князю Прозоровскому. Но тут новая беда: шведы проведали, что самым несговорчивым послом будет Нащокин, которому хочется стать твердою ногою в Ливонии у моря, и вот пошла челобитная в Москву: "Царю государю бьет челом холоп твой Афонка Нащокин: в нынешнем, государь, во 167 (1658 году) сентября 29, у твоих великих послов в деревне Яме были из Нарвы от шведских послов королевский дворянин и переводчик и с твоим переводчиком Иваном Адамовым приказывали к князю Ивану Семеновичу, будто от меня, холопа твоего, твоему посольскому делу чинится нарушение; наслышались об этом шведы от русских людей, которые, ненавидя службишку мою, научили иноземцев, чтоб я у посольского дела не был. Милосердый государь! вели расспросить переводчика Ивана Адамова перед послами и эту мою челобитную и расспрос послать к себе в приказ тайных дел, чтоб мне впредь быть у твоего дела от многих сторонних ссор бесстрашно".

Переводчика Адамова спросили, и он пересказал речи шведского дворянина. "Царские послы, - жаловался швед, - упрямятся, ближе к Нарве подвинуться не хотят, а королевские послы и рады бы сюда приехать, да нельзя по причине дальней и дурной дороги; они знают наверное, что царские послы уже были под деревней Гостинцы, недалеко от Нарвы, но как скоро приехал кокенгаузенский воевода Нащокин, то они назад поехали и здесь на Нарове-реке стали, на том месте, куда шведским послам невозможно приехать. Из этого легко увидеть, что Нащокин теперь опять ищет доброму делу помешки, как он прежде в Ливонской земле при графе Магнусе Делагарди доброму делу помешал, потому что с польским гетманом Гонсевским всегда в великой дружбе жил, как брат родной, и полякам норовил, а с их стороны ему подарки большие были; в Варшаве на сейме знатные люди говорили, что они не боятся мира между шведами и русскими, потому что есть человек, который этому миру помешает".

С одной стороны, шведы доносили на Нащокина, с другой - воевода князь Иван Андреевич Хованский, стоявший с войском во Пскове, осердился на послов, зачем они послали память одному из его полковников во Гдов, чтоб тот шел к ним в Сыренск для оберегания посольских съездов, но в сердцах Хованский накинулся не на Прозоровского, а на того же Нащокина. "По указу великого государя, - писал Хованский, - велено мне идти ближе к Нарве, смотря по вестям; а полка моего вам, великим послам, отнимать у меня не велено. Знаю я, чьи это затейки! За Нарову-реку дорогу знал я давно, когда Нарова-река была пострашнее, и на государеву службу, по вестям, идти готов не только под Нарву, хотя бы и под Ревель; служба моя великому государю известна: за то я от многих ненавижим, что великому государю работаю как богу. Похвальные слова Афанасия Лаврентьевича не исполнятся; стану я у великого государя на вас милости просить, что высоко себя ставите, будто вам велено мною наряжать; но вам наряжать мною стыдно, добро всякому знать свою меру. Вы пишете, что я отдам ответ в свое время; знаю я, что у вас такие люди есть, которые умеют *слагательно* написать, но я в правде своей надеюсь на бога и на великого государя. Как кто ни коварничай и ни умышляй, я не боюсь: суетно помышление человеческое", Послы писали ему, зачем он не дает им знать о своем походе под Нарву, а пишет вещи, не идущие к делу, писали, что они дали знать государю о его поведении, жаловались, что посольские съезды замедляются по его милости, потому что, не имея большого войска под руками в Ливонии, нельзя вынудить у шведов выгодных мирных условий. Хованский отвечал: "Несть раб болий господа своего, ни посланник болий пославшего его. Что указал мне великий государь, и его повеление со страхом храню. От кого посольский съезд замешкался, то известно будет великому государю. Письма мои, которые я к вам писал, идут ли они к делу или нейдут, у вас и в свое время мне пригодятся. Письмо, которое вы писали на меня к государю, писали мне на радость, потому что государь по этому письму велит сыскать мою вину, а вашу правду; я, убогая сиротина, в правде своей надеюсь на государеву

пресветлую неизреченную милость; нет тайны, которая бы не объявилась, и великому государю все будет известно в свое время".

Государь нашел, что и послы и Хованский не правы, но что ссора началась от послов, и потому послал сказать им: "Вы государеву делу учинили замедление и поруху, ссоритесь с воеводою князем Хованским и переписываетесь с ним многими к делу ненадобными статьями; к полковнику послали память мимо князя Ивана с ним для раздора, и довелось вам о присылке к себе ратных людей писать к нему, князю Ивану, а если б он по вашему письму ратных людей к вам и не послал, то вам следовало писать на него великому государю давно. И вперед бы вам с князем Хованским быть в любви и совете". Хованскому тот же посланец должен был сказать: "Тебе для обереганья великих послов надобно было спешить из Пскова во Гдов, из Гдова на съезжее место посылать без задержанья, а прежних своих служб для своей чести объявлять и непристойных слов, нейдущих к делу, писать не довелось: и вперед бы тебе с великими послами быть в любви и совете, посылать к ним ратных людей тотчас, как потребуют; а что тебе велено великих послов оберегать, и то не в случай и не в места". Тот же посланный объявил Нащокину наедине, чтоб непременно с шведскими комиссарами заключить мир, хотя б и с убытком государевой казне. Но прежде всего царю хотелось помирить Нащокина с Хованским. Посланному было наказано спросить Афанасья: за что у них с князем Хованским началась ссора? Если Афанасий станет говорить, что когда он из Царевичева-Дмитриева города ездил в Печерский монастырь молиться, то князь Иван посылал его хватать, чтоб его удержать за заставою, а сына его, Воина, за заставою держали долгое время, - отвечать: заставы были сделаны по указу великого государя, и князь Иван думал, что он, Афанасий, и сын его, Воин, приезжали из моровых мест. Если Афанасий еще станет жаловаться на Хованского, то говорить, чтоб, помня Божию заповедь "да не зайдет солнце во гневе вашем", с князем Иваном съехался и помирился. Потом посланный должен был ехать к Хованскому, и если тот станет говорить о Нащокине с сердцем, то отвечать ему с выговором: "Афанасий, хотя отечеством и меньше тебя, однако великому государю служит верно, от всего сердца, и за эту службу государь жалует его своею милостию: так тебе, видя к нему государеву милость, ссориться с ним не для чего, а быть бы вам с ним в совете и служить великому государю сообща; а тебя, князя Ивана, взыскал и выбрал на эту службу великий государь, а то тебя всяк называл дураком, и тебе своею службою возноситься не надобно; ты хвалишься, что тебе и под Ревель идти не страшно; и тебе хвалиться не довелось, потому что кто на похвальбе ходит, всегда посрамлен бывает; *и ты этою своею похвальбою изломил саблю*; за что ты тех ненавидишь, которые государю служат верно? Тебе бы великого государя указ исполнить, с Афанасием помириться, а если не помиришься и станешь Афанасья теснить и бесчестить, то великий государь велел тебе сказать имянно, что за непослушанье и за Афанасья тебе и всему роду твоему быть разорену". Нащокин отвечал государю, что если он писал о нерадении полоцких и псковских воевод, то он это делал

по государевым же грамотам, в которых приказано ему никого не бояться, во всем быть надежну, выдан он никому не будет: "Ненавидим я за твое государево дело, не только между русскими людьми оглашен, и шведские послы доносили на меня боярину князю Прозоровскому. Видя отовсюду нестерпимое гонение, не знаю, как твое дело делать? Велишь мне помириться с князем Хованским, но у меня с ним, по моим делам, никакой ссоры нет". Когда посланный передал Нащокину приказ государев, чтоб непременно заключить мир, хотя бы казне и убыток был, то он отвечал: "Промышлять я об этом должен, да промышлять некем: в Нарве мещан верных теперь нет, старые померли, а иные от войны выбежали за море. Государь приказывает не жалеть казны; но дело можно делать и без денег, деньги пригодятся на жалованье ратным людям, а у шведов теперь денег и своих много. Если бы съезд был на Двине, то рижские мещане, которые в два года сделались верны великому государю, промышляли бы и шведских послов наговаривали и к миру приводили. Вот почему я к великому государю и не писал, чтоб съезду быть под Нарвою, и на чем заключен перемирный договор в Москве, я не знал до тех пор, пока съехался с князем Прозоровским. В этом договоре для чего позабыта Литва, не укреплено, что княжество Литовское под высокою рукою великого государя. Думный дьяк Алмаз Иванов должен был об этом напомнить и доложить государю; да и то забыли, что велено мне видеться с Гонсевским и соединить рати на общего неприятеля шведского короля; по этому соединению Гонсевский взял в Лифляндии два города, да я взял Мариенбург, заступил многие волости и поставил заставу за 20 верст от Риги; московский договор весь написан шведам на помощь, и граф Магнус Делагарди показывал его на съезде полякам и хвалился, что они в этом договоре не укреплены, и княжество Литовское отбивал от подданства этим договором; и как я поехал на посольский съезд, то шведы пустили славу, что вот Ливонская земля отдана им, что съезд будет на Ижорской земле и будто мне из Царевичева-Дмитриева города потому велено ехать, что город этот им отдан. Шведы нарочно назначили съезд под Нарвою, чтоб княжество Литовское разорить и от подданства отогнать". Выставляя свои заслуги, разумность своих советов, которых не послушали, выставляя чужие ошибки, жалуясь уже слишком часто на свое печальное положение, на гонения от всех ради государева дела, Нащокин опять обратился к Хованскому. "Князя Ивана, - говорил он, - с промысл не стало, и его можно переменить и велеть быть у такого дела, с которое его станет. Псков дан ему не в вотчину, а промышленников у великого государя много, которые в деле промысл знают и к прибыли искательны; хотя бы князь Иван был многих городов владетель, только в Псковском государстве он с промыслом своим не надобен; во всяком деле сила в промысле, а не в том, что собрано людей много; и людей много, да промышленника нет, так ничего не выйдет. Шведы, видя таких промышленников, говорят, чтоб половину рати продать да промышленника купить. И теперь Хованский, вышед из Пскова, стоит даром, рать помирает с голоду, а к промыслу не допустит, обжигает себе русские города, а неприятель радуется, что люди

из домов своих выбиты, а к промыслу не допущены. Лучше было рати оставаться во Пскове: и неприятно было бы страшнее, и люди были бы в покое и к службе наготове. Обо всем этом надобно рассмотрение воеводское. Нельзя во всем дожидаться указа государева. Вот мне не было прислано указа, чтоб идти под Мариенбург, но я, видя, что наших ратных людей из Полоцка и из Пскова нет, а швед в сборе, призвал к себе Гонсевского и пустил в Лифляндию и затем взял город Мариенбург. Но кто что ни делает, только я перед великим государем безо всякого оправдания во всем виноват. А теперь я указу великого государя не противлюсь, ко князю Ивану во Гдов ехать готов и добивать челом, буду перед ним бессловен; только вперед князь Иван на этом не устоит, станет делать по-прежнему, потому что держит при себе держальников многих, которые его ссорят, а он им верит, и нравом он человек непостоянный. Знаю и сам, что великому государю годно, чтоб мы между собою были в совете, и у меня за свое дело вражды никакой нет, но о государеве деле сердце болит и молчать не дает, когда вижу в государеве деле чье нерадение. Если б князь Иван с первых дней прислал к нам пеших ратных людей, то государево дело давно было бы начато, и думаю, что и к совершению приходило бы, а то ни мостов намостить, ни нас оберегать некому, а места болотные". Прозоровский говорил с клятвою, что у него с Хованским отечества и никаких прихотей нет, "а Хованский государеву делу чинит поруху для чести своей и его, боярина, бесчестит, приказывал к нему при многих своих полчанах, что будто он, князь Иван, его, боярина, больше тремя местами, и он, боярин, то поставил в смех. Да он же, Хованский, приказывал к нему, боярину, чтоб он товарища своего, Афанасия Лаврентьевича Нащокина, ни в чем не слушал, будто товарищ доведет его до беды, но великий государь ему, боярину, указал с товарищем своим во всем советоваться и во всем ему верить, потому что он немецкое дело знает и немецкие нравы знает же. И он, боярин, поставил это в смех". Хованский с своей стороны отвечал посланному: "Указ великого государя исполню, ссору эту оставлю, в бесчестье своем бить челом на великих послов не стану и вперед в совете и любви быть с ними рад, только бы и они были со мною в совете. С князем Прозоровским и со всеми другими послами недружбы и ссоры у меня нет, только перебранивались на письме; досадно мне то, что пишут ко мне с указом; прежде наша братья за честь свою помирили. Недружба у меня с Афанасьем Нащокиным, и хотя в отписках пишется князь Прозоровский, только все затейки его, Афанасьевы, ищет он мне всякого зла. Князь Прозоровский Афанасью говорил, чтоб он со мною был в совете, но он князя не слушал. По приказу великого государя я все покину, Афанасья прощаю и вперед с ним в совете и в любви быть рад; знаю я, что Афанасий человек умный, великому государю служит верно и государская милость к нему есть; в прежние времена и хуже Афанасья при государской милости был Малюта Скуратов; я Афанасья не знаю, слыхал про него от людей и большой вражды у меня с ним нет, только что на письме друг у друга ума отведывали; а как я с ним увижусь, то иных ссорщиков перед ним поставлю".

В этих пересылках, любопытных для потомства, но несколько не подвигавших посольского дела, прошло все лето. В конце сентября великие послы уведомили государя, что шведские комиссары показали упорство большое, не хотят присылать дворян своих на назначенное от них же место, именно в деревню Кароль, а домогаются, чтоб съезд был подле Нарвы, на устье реки Плюсы, где бывали прежние рубежи Московского государства с Шведским, хотят этим снискать себе вечную славу, а мирные переговоры вести по своей воле, потому что урочище на устье Плюсы место тесное и болотное, конскими кормами бедное, необоронное и во всем негодное. Потом шведские комиссары назначили новое место для съездов - деревню Валиесар, между Нарвою и Сыренском. Царь писал Прозоровскому: "Разведав подлинно, что на съезде вам и нашему делу порухи никакой не будет, съезжайтесь в деревне Валиесаре, а из-за мест не разъезжайтесь". Прошел еще месяц с лишком в пересылках и спорах, и съезды начались только 17 ноября. Московские послы требовали ливонских городов, Корельской и Ижорской земли: шведские комиссары объявили, что они могут заключить мир только на столбовских условиях. Царь послал сказать Нащокину: спешить заключением мира к весне или по крайней мере весною; помириться на Юрьеве Ливонском, да на Царевичеве-Дмитриеве городе, да на Борисоглеbove или по крайней мере на Царевичеве и на Борисове. Если же будет нельзя, то промышлять о Борисове, с которыми уездами пристойно, хотя много давать денег, за тем не стоять, только чтоб дальше мая не откладывать. Если же ни одного города уступить не захотят, то мириться на том, чтоб всеми городами владеть до трех лет. Но послы 20 декабря заключили трехлетнее перемирие с удержанием всего завоеванного в Ливонии. Царь был в восторге; он приписал успех дела заступлению богородицы, ибо с послами была та же икона ее (тихвинская), которая была и с князем Мезецким при заключении Столбовского мира.

По обычаю, великие послы, отправленные с обеих сторон для подтверждения договора, должны были встретиться в назначенном месте, сравнить свои грамоты и потом уже отправляться по назначению: шведские - в Москву, а московские - в Стокгольм. Великим послом от царя был назначен думный дворянин, наместник шацкий и Лифляндской земли над городами начальный воевода Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, которому было наказано промышлять о вечном мире между Россией и Швециею, а шведского короля с польским королем к миру не допускать, уступить из Литовского княжества шведам Жмудь, сулить им это на словах, а в крепость не писать для того, чтоб не повредить миру с польским королем. В сентябре 1659 года Нащокин съехался с шведским послом Бентгорном на Двине, между Ригою и Кокенгаузенем, и уговорился не разъезжаясь начать в октябре переговоры о вечном мире между Дерптом и Ревелем, потому что оставаться на Двине было опасно от польских войск. Нащокин спешил заключить вечный мир прежде окончания переговоров, которые велись у шведов с поляками в Пруссии. Царь писал Нащокину, чтоб к уступленным в Валиесаре ливонским городам вытребовать еще у

шведов Иваньгород для корабельной пристани; Нащокин отвечал, что шведы никак на это не согласятся, "а что Жмудь им сулить, то и они также станут давать, что не в их руках; от Иваньгорода прибыли никакой нет; Нарва получше его, и та теперь запустела, потому что от Новгорода торги худы, а с моря быть купцам их же, шведским, да к Ивань-городу и корабли не ходят; когда Иваньгород был в русском владенье, то через Нарову-реку с городом Нарвою беспрестанные ссоры и крови были; невозможно быть покою, если эти оба города не будут за одним государем. Если бы даже на шведа и упадок был и уступил бы он Иваньгород и Канцы, то города эти лежат к Шведской и Финской земле, кроме шведов, других купцов нет, на этом же море у них города Рига, Ревель, Пернау, Гапсаль, Нарва, велят купцам приезжать к своим городам, и русские люди поневоле своими товарами к их же городам будут ездить; в торговле русские люди слабы друг перед другом, туда поедут, куда их помянут, на своих местах не держатся".

Нащокин был прав относительно неумеренности московских требований, но и сам Нащокин сильно обманывался, думая, что шведы согласятся на вечный мир с уступкою всего завоеванного русскими в Ливонии; а между тем царь повторял приказание: непременно заключить вечный мир, в даль не откладывая.

В феврале 1660 года Нащокин приготавливался уговаривать шведских послов к вечному миру на съезде, назначенном в марте, как вдруг поразила его страшная, неожиданная весть. Сын его, Воин, уже давно был известен как умный, распорядительный молодой человек, во время отсутствия отца занимал его место в Царевичеве-Дмитриеве городе, вел заграничную переписку, пересылал вести к отцу и в Москву к самому царю. Но среди этой деятельности у молодого человека было другое на уме и на сердце: сам отец давно уже приучил его с благоговением смотреть на Запад постоянными выходками своими против порядков московских, постоянными толками, что в других государствах иначе делается и лучше делается. Желая дать сыну образование, отец окружил его пленными поляками, и эти учителя постарались с своей стороны усилить в нем страсть к чужеземцам, нелюбье к своему, воспламенили его рассказами о польской воле. В описываемое время он ездил в Москву, где стошнило ему окончательно, и вот, получив от государя поручения к отцу, вместо Ливонии он поехал за границу, в Данциг, к польскому королю, который отправил его сначала к императору, а потом во Францию. Сын царского любимца изменил государю-благодетелю! Что скажут теперь враги Нащокина, которых у него было так много, которые при видимой покорности воле царской не могли удержаться, чтоб перед посланным царским не назвать Нащокина временщиком, обязанным своим возвышением произволу государя, не могли удержаться, чтоб не сравнить его с Малютою Скуратовым, хотя с презрительною снисходительностью и признавали, что он лучше Малюты? Чего доброго было ожидать отцу изменника в то время, когда вследствие долговременного господства

родовых отношений родственники преступника и не столь близкие подвергались тяжелой опале? Несчастный отец сам уведомил царя о своем горе и просил уволить от посольского дела, ибо он обеспамятел от горя, от страха перед казнью без вины. Но он напрасно беспокоился. Царь немедленно отвечал ему: "Верному и избранному и радетьельному о божиих и о наших государских делах и судящему людей божиих и наших государевых вправду (воистину доброе и спасительное дело людей божиих судить вправду!), наипаче же христороубцу и миролюбцу, нищелюбцу и трудолюбцу и совершенно богоприимцу и странноприимцу и нашему государеву всякому делу доброму ходатаю и желателю, думному нашему дворянину и воеводе Афанасию Лаврентьевичу Ордину-Нащокину от нас, великого государя, милостивое слово. Учинилось нам ведомо, что сын твой попусцием божиим, а своим безумством объявился во Гданске (Данциге), а тебе, отцу своему, лютую печаль учинил, и тоя ради печали, приключившейся тебе от самого сатаны, и мню, что и от всех сил бесовских, изшедшу сему злему вихру и смятоша воздух аерный, и разлучиша и отторгнуша напрасно сего доброго агнца яростным и смрадным своим дуновением от тебе, отца и пастыря своего. И мы, великий государь, и сами по тебе, верном своем рабе, поскорбели приключившейся ради на тя сея горькие болезни и злого оружия, прошедшего душу и тело твое; ей, велика скорбь и туга воистинно! Еще же скорбим и о сожительнице твоей, яко же и о пустыножилице и единопребывательнице в дому твоём, и приемшую горькую пельнь тую в утробе своей, и зело оскорбляемся двойного и неутешного ея плача: первого ея плача не имущи тебя богом данного и истинна супруга своего пред очима своима всегда: второго плача ея о восхищении и разлучении от лютого и яростного зверя единоутробного птенца своего, напрасно отторгнутого от утробы ее. О злое сие насилие от темного зверя попусцием божиим, а ваших грех ради! Воистинно зело велик и пеутешим плач, кроме божия надеяния, обоим вам, супругу с супружницею, лишившеся такового наследника и единоутробного от недр своих, еще же утешителя и водителя старости и угодителя честной вашей седине и по отшествии вашем в вечные благие памятотворителя доброго. Бьешь челом нам, чтоб тебя переменить: и ты от которого обычая такое челобитье предлагаешь? Мню, что от безмерные печали. Обесчестен ли бысть? Но к славе, яже ради терпения на небесех лежащей, зрирай. Отщетен ли бысть? Но зрирай богатство небесное и сокровище, еже скрыл еси себе ради благих дел. Отпал ли еси отечества? Но имаши отечество на небесех - Иеросалим. Чадо ли отложил еси? Но ангелы имаши, с ними же ликоствуеши у престола божия и возвеселишися вечным веселием. Не люто бо есть части, люто бо есть падши не востати: так и тебе подобает от падения своего пред богом, что до конца впал в печаль, востати борзо и стати крепко, и уповати, и дерзати и на его приключившееся действие крепко и на свою безмерную печаль дерзостно, безо всякого сомнительства; воистинно бог с тобою есть и будет во веки и на веки; сию печаль той да обратит вам в радость и утешит вас вскоре. А что будто и

впрямь сын твой изменил, и мы, великий государь, его измену поставили ни во что, и конечно ведаем, что кроме твоея воли сотворил, и тебе злую печаль, а себе вечное поползновение учинил. И будет тебе, верному рабу Христову и нашему, сына твоего дурость ставить в ведомство и в соглашение твое ему; и он, простец, и у нас, великого государя, тайно был, и не по одно время и о многих делах с ним к тебе приказывали, а такова просто умышленного яда под языком его не ведали. А тому мы, великий государь, не подивляемся, что сын твой сплутал: знатно то, что с малодушия то учинил. Он человек молодой, хочет создания владычня и творения руку его видеть на сем свете, якоже и птица летает семо и овамо и, полетав довольно, паки ко гнезду своему прилетает: так и сын ваш вспомянет гнездо свое телесное, наипаче же душевное привязание от св. духа во святой купели, и к вам вскоре возвратится. И тебе, верному рабу божию и нашему, государеву, видя к себе божию милость и нашу государскую отеческую премногую милость, и, отложя тое печаль, божие и наше государево дело совершать, смотря по тамошнему делу; а нашего государского не токмо гневу на тебя к ведомости плутости сына твоего, ни слова нет; а мира сего тленного и вихров, исходящих от злых человек, не перенять, потому что во всем свете рассеяни быша, точию бо человеку душою пред богом не погрешить, а вихры злые, от человек нашедшие, кроме воли божией что могут учинити? Упование нам бог, а прибежище наше Христос, а покровитель нам есть дух святой".

С этою грамотою и с поручением разговаривать Нащокина от печали отправлен был приказа Тайных дел подьячий Юрий Никифоров, которому было наказано: "Афанасью говорить, чтоб он об отъезде сына своего не печалился, и в той печали его утешать всячески и великого государя милостию обнадеживать; а что говорят в мире о сыне его, что он изменил, и эту измену причитают и к нему, то он бы эту мысль отложил и уповал во всем на всемилостивого бога и на государские праведные щедроты и на свою к нему, великому государю, нелицемерную правду и службу и раденье. О сыне своем промышлял бы всячески, чтоб его, поймав, привести к нему, за это сулить и давать 5, 6 и 10 тысяч рублей; а если его таким образом промышлять нельзя и если Афанасью надобно, то сына его извести бы там, потому что он от великого государя к отцу отпущен был со многими указами о делах и с ведомостями. О небытии его на свете говорить не прежде, как выслушавши отцовские речи, и говорить, примерившись к ним. Сказать Афанасью: вспомни, что ни один купец, не истощив богатства своего до конца, не может в первое свое достоинство прийти, а тебе, думному дворянину, больше этой беды вперед уже не будет, больше этой беды на свете не бывает".

"Твоя, великого государя, неизреченная милость светом небесным мрачную душу мою озарила, - отвечал Нащокин, - что воздам господеву моему за сие? Умилосердись, повели заблудшуюся овцу в суемысленных горах сыскивать! Бил я челом об отставке от посольского дела от жалости души моей, чтоб мне в таком падении сынишка моего, зазорну будучи от

всех людей, в деле не ослабеть, и от того бы твоему, великого государя, делу в посольстве низости не было; от одной же печали о заблуждении сынишка моего я твоего, государева, дела не оставлю: если бы я жену или чадо паче твоего дела возлюбил бы, не был бы милости достоин; ныне судим от господа наказуюсь, да не с миром осужусь". Подьячий Никифоров доносил, что Нащокин читал государеву грамоту со слезами и говорил: "Печали у меня о сыне нет и его не жаль, а жаль дела, и печаль о том, что сын мой, презрев великого государя неизреченную милость, своровал; а я про то вовсе не знал: смертной казни достоин я без всякого милосердия, если что-нибудь знал. Безмерно горько мне то, что сыну моему отданы ефимки, а я, как поехал из Москвы, бил челом Федору Михайловичу Ртищеву, чтоб их никому не давать, а держать их в приказе Лифляндской земли на государевы расходы. В мысль мне не вместится, как это учинилось? многие приезжие люди мне сказывали, какая неизреченная государева милость была к сыну моему в Москве; сказывали, будто послан он тайно в немецкие земли и провожал его Федор Михайлович Ртищев, и я, слыша об этом, дивился". "О сыне печали у меня нет, - повторял и после Нащокин, - дело это положил я на суд божий, а о поимке его промышлять и за то деньги давать не для чего, потому что он за неправду и без того пропадет и сгинет и убит будет судом Божиим".

В апреле начались съезды у Нащокина с шведскими послами, но не повели ни к чему: еще в феврале умер король Карл X Густав, и шведские послы объявили, что не могут заключить вечного мира, потому что от нового короля нужна им полномочная грамота новая. Эту новую грамоту они обещали привезти в июне месяце; но в мае заключен был у шведов мир с поляками в Оливе, совершенно переменявший отношения ко вреду Москвы: обе державы теперь, и Швеция и Польша, особенно последняя, получили возможность усилить свои требования относительно Москвы, которой приходилось, чтоб успешно воевать и заключить выгодный мир с одной из них, уступить все другой. Прошел июнь, прошло лето, морской ход минулся, а шведские уполномоченные не являлись на съезд. Между тем дела шли худо в Белоруссии, еще хуже - в Малороссии: испуганный этим, царь писал Нащокину, чтоб заключал вечный мир с шведами, выговорив из завоеванного города два или хотя один и давши за них деньги, чтоб мир был сколько-нибудь честен. "На черкас надеяться никак невозможно, - писал государь, - верить им нечего: как трость ветром колеблема, так и они: помянут на время, а если увидят нужду, тотчас русскими людьми помирятся с ляхами и татарами". "Выговорить два города или один и ими как владеть? - возражал Нащокин. - Ото Пскова будут далеко, около них все будут шведские города, шведские люди; поляки станут приходить на псковские места и разорять, а шведы им не воспрепятствуют. Теперь, пока перемирие с шведами не вышло, надобно поскорее промышлять о мире с польским королем через посредство курфюрста бранденбургского и герцога курляндского; с польским королем мир гораздо надобен, нужнее шведского, потому что разлились крови многие и уже время дать покой. А не уступивши черкас, с польским

королем миру не сыскать. Прежде, когда они были от великого государя неотступны, уступить их было нельзя, потому что приняты были для единой православной веры: а теперь в другой раз изменили без причины: так из чего за них стоять? Как заключен будет мир с польским королем, так и татары отстанут; хана деньгами закупить нельзя, потому что он султанский подданный: турок велит ему помогать польскому королю, и он станет помогать и будет отговариваться, что поневоле помогает; миром с поляками турок и хан будут задавлены, а к шведу хан на помощь не пойдет; уж если надобно уступить шведу города, то можно уступить и помирясь с поляками; я стою за Ливонию ни из чего другого, как только памятуя крестное целование, у меня тут ни поместья, ни вотчины нет. Если с шведским помириться теперь и города уступить, то с польским королем миру не сыскать: это народ гордый, подумают, что у нас большое бессилье, и возвысятся без меры. А вместо того чтоб за города платить шведам деньги, лучше удержать перемирие посредством английского короля: послать в Англию умного человека, поздравить короля Карла II с восшествием на престол и попросить о посредничестве. Король согласится и будет радеть для прежней дружбы, потому что государь с Кромвелем дружбы не имел и в посредники его не принял. С польским королем надобно мириться в меру, чтоб поляки не искали потом первого случая отомстить; взять Полоцк да Витебск, а если поляки заупрямятся, то и этих городов не надобно: прибыли от них никакой нет, а убытки большие: надобно будет беспрестанно помогать всякою казною да держать в них войско. Другое дело Лифляндская земля: от нее русским городам Новгороду и Пскову великая помощь будет хлебом; а из Полоцка и Витебска Двиною-рекою которые товары станут ходить, и с них пошлина в лифляндских городах будет большая, жалованными грамотами и льготою отговариваться не станут. А если с польским королем мир заключен будет ему обидный, то он крепок не будет, потому что Польша и Литва не за морем, причина к войне скоро найдется. Съездам с польскими комиссарами быть в Полоцке, а в великих послах быть боярину князю Ивану Борисовичу Репнину, потому что его Литва хорошо знает, разум и дела его выславляет везде, да с ним быть думному дьяку Алмазу Иванову". Объявивши свои мысли, Афанасий Лаврентьевич послал такое письмо к государю: "Бьет челом бедный и беззаступный холоп твой Афонка Нащокин. Моя службишка богу и тебе, великому государю, известна; за твое государево дело, не страшась никого, я со многими остудился, и за то на меня на Москве от твоих думных людей доклады с посяганьем и из городов отписки со многими неправдами, и тем разрушаются твои, государевы, дела, которые указано мне в Лифляндах делать; я за свою вину давно достоин смерти, не слышал бы, что тебе, великому государю, беспрестанно отовсюду приносят печали через меня, беззаступного холопа твоего, и службишка моя до конца всеми ненавидима. Милосердый государь! вели меня от посольства шведского отставить, чтоб тебе от многих людей докуки не было, чтоб не было злых переговоров и разрушения твоему делу из ненависти ко мне".

Желание Нащокина было исполнено: вместо него на съезды с послами нового шведского короля Карла XI, Бентгорном с товарищами, в начале 1661 года отправился прежний великий посол боярин князь Иван Семенович Прозоровский с товарищами: стольником князем Иваном Петровичем Борятинским, стольником Иваном Афанасьевичем Прончищевым, дьяками Дохтуровым и Юрьевым. В марте начались съезды в Кардисе между Дерптом и Ревелем. Шведские послы начали жалобой на Ордина-Нащокина, который не показал никакого расположения к вечному миру и только проволакивал время, водил их с места на место, что и заставило их, шведов, поневоле заключить мир с поляками, тогда как им гораздо желательнее было заключить мир с Россией, чем с Польшей. Прозоровский оправдывал своего предшественника и складывал всю вину на шведов. После этого спора шведы спросили, будет ли им уступлено все завоеванное в Ливонии, и прибавили, что без решительного ответа на этот вопрос они ни о чем говорить не станут. Прозоровский потребовал городов, отданных по Столбовскому миру; шведы отвечали, что об этих городах и говорить нечего, потому что они в прежних мирах закреплены государскими душами, что они не только не возвратят столбовских уступок, но требуют и остальной Корельской земли, которая осталась за царем после Столбовского мира, да 500000 золотых червонных. "Такую награду дать от какой неволи? - отвечал Прозоровский. - Лучше этою казною вновь чего-нибудь достигать, нежели напрасно давать; это вы сами можете рассудить". "Мы вам по дружбе объявляем, - продолжали шведы, - что теперь, за божиею помощью, дела у нас идут не по-прежнему, как было лет за пять, а запросы наши не так велики, как велики убытки, понесенные нами от войны". "Нам эти запросы слышать пуще войны, - возражал Прозоровский, - вы это начинаете мимо прямого, настоящего дела и тем отводите от вечного покоя христианского". После долгих споров и вычетов шведы объявили, что уступают в царскую сторону остальную часть Корельской земли, но по-прежнему требуют завоеванного в Ливонии и денежной награды за убытки. "Вы уступаете то, чего у вас в руках нет, - отвечал Прозоровский, - уступите Пваньгород, Ям и Копорье, тогда великий государь поможет вам денежною казною". Шведы не хотели слышать ни о каких уступках, и русские уполномоченные должны были заключить мир на всей их воле. 21 июня окончательно подписан был вековечный мирный договор: обязались друг другу во всяких мерах всякого добра хотеть, лучшего искать и во всем правду чинить; титла обоих государей писать по их достоинству и чести, как они сами себя описывают; царское величество уступает в королевскую сторону все взятые в Ливонии города, а именно: Кокенгаузен, Дерпт, Мариенбург, Анзль, Нейгаузен, Сыренск, со всеми принадлежащими к ним землями и крепостями и со всякими пушечными запасами, с которыми они взяты; сверх того, выходя из этих городов, русские обязаны оставить королевским ратным людям хлебных запасов - 10000 бочек ржи и 5000 бочек жита; для земляных граней в апреле будущего 1662 года выслать с обеих сторон межевых людей по три человека дворян и дьяков добрых; начать им

межевать выше Нового Городка (Нейгаузен) между русскими и шведскими деревнями по речке Меузице. С обеих сторон из пограничных областей людей не презывать и не выводить ни тайно, ни явно; между обоими государствами быть вольной и беспрепятственной торговле; по всем их областям, всякими путями, показавши раз свою проезжую память первому порубежному воеводе, торговый человек волен ехать всюду, куда ему угодно; русским торговым людям иметь вольные торговые двory в Стокгольме, Риге, Ревеле, Нарве; на тех дворах отправлять церковную службу в своих хоромax, но церковью своей веры не ставить, кроме той церкви, которую они в Ревеле исстари имели, на тех условиях шведам иметь торговые двory в Москве, Новгороде, Пскове и Переяславле; если русские суда будут разбиты бурей у шведских берегов, то люди беспрепятственно отходят оттуда со всем их имением, которое сами сберегут или сберечь велят, а шведы должны помогать им в сбережении имущества; таким же образом поступают русские со шведами на своих берегах; послам, посланникам, гонцам и переводчикам вольно ездить через области обоих государств во все страны, которые не состоят с ними в явной вражде; через шведские области путь чист в Россию иностранным купцам с узорочными товарами, которые годны в казну царского величества, также докторам и лекарям и всяким служилым и мастеровым людям; со стороны же царского величества королевскому величеству таким же образом во всем воздано будет; пленные с обеих сторон освобождаются без окупа, кроме тех, которые сами добровольно захотят служить на той или другой стороне, и тех, которые в России приняли православную веру греческого закона; перебежчиков выдавать с обеих сторон; обидным делам расправа на рубеже через высланных с обеих сторон годных, добрых и рассудных людей; для больших дел оба великие государя высылают послов своих на рубеж.

Мир был тяжелый, потому что условиями своими вполне выражал бесплодность войны. Но при тогдашних обстоятельствах возможность окончательно развязать руки относительно Швеции была благодеянием для Москвы: Малороссия опять волновалась, Польша брала верх, боярин московский сидел в оковах у крымского поганца, война затягивалась в бесконечность, и казна царская пустела все более и более.